

Уоллес Э.

ТАЙНА ЖЕЛТЫХ НАРЦИССОВ
СИНЯЯ РУКА

ЗОЛОТОЙ ВЕК ДЕТЕКТИВА

Золотой век детектива

Эдгар Уоллес

**Тайна желтых нарциссов.
Синяя рука (сборник)**

«Алгоритм»

1925, 1926

УДК 821.111
ББК 84(4Вл)

Уоллес Э. Р.

Тайна желтых нарциссов. Синяя рука (сборник) / Э. Р. Уоллес — «Алгоритм», 1925, 1926 — (Золотой век детектива)

ISBN 978-5-486-03631-6

Ричард Горацио Эдгар Уоллес (1875–1932) – один из самых популярных писателей начала XX в. Родился в Гринвиче, в актерской семье. Бросив школу в 12 лет, он до 18 переходил с одной работы на другую, после чего поступил на службу в армию. В 1896 г. Эдгар уехал в Южную Африку, где служил в медицинских частях. После демобилизации работал корреспондентом агентства «Wraiter» и лондонской газеты «Daily Mail», а в 1901 г. стал редактором газеты в Йоганнесбурге. Первые романы Уоллеса не окупали финансовых затрат. Коммерческий успех пришел к нему в 1910-е годы, а в 20-е он стал самым издаваемым английским писателем (каждая четвертая вышедшая книга была его романом). Уоллес написал 173 романа, 23 пьесы, более 1000 рассказов; при этом Эдгар не прерывал журналистскую деятельность. По произведениям Уоллеса поставлено 170 фильмов. Умер писатель в Голливуде во время работы над сценарием знаменитого «Кинг-Конга». В этом томе публикуются два романа Уоллеса: «Синяя рука» (1925) и «Тайна желтых нарциссов» (1926), входившие в состав серии под названием «Четверо справедливых».

УДК 821.111
ББК 84(4Вл)

ISBN 978-5-486-03631-6

© Уоллес Э. Р., 1925, 1926

© Алгоритм, 1925, 1926

Содержание

Тайна желтых нарциссов	7
I	7
II	11
III	15
IV	18
V	22
VI	25
VII	29
VIII	33
IX	36
X	40
XI	43
XII	46
XIII	50
XIV	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Эдгар Уоллес
Тайна желтых нарциссов. Синяя рука

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2010

© ООО «РИЦ Литература», 2010

Тайна желтых нарциссов

I

– Боюсь, что не вполне поняла вас, мистер Лайн, – сказала Одетта Райдер и мрачно посмотрела на молодого человека, сидевшего за письменным столом. Ее нежную кожу заливала густая краска, а в глубине ее серых задумчивых глаз вспыхнул огонек, который мог бы быть предупреждением для каждого. Но мистер Лайн был настолько уверен в себе, в своих способностях и впечатлении, производимом его личностью на других, что считал, что все люди должны покоряться его желаниям.

Он не смотрел ей в лицо. Его взгляды скользили по ее чудной фигуре, и он удивлялся ее изумительно прямой посадке, красиво очерченной голове и тонким нежным рукам.

Он смахнул со лба свои длинные черные волосы и улыбнулся. Ему доставляла удовольствие мысль, что черты его лица свидетельствуют о его умственных способностях и что его несколько бледный цвет лица можно приписать долгим размышлениям.

Вдруг он отвернулся и поглядел в большое внутреннее окно, из которого открывался вид на оживленные торговые помещения фирмы «Лайн».

В свое время он велел устроить свое бюро в полуэтаже, и большие окна были устроены с таким расчетом, что он в любой момент мог одним взглядом проконтролировать важнейшие отделения своего предприятия.

Время от времени он поворачивал голову лицом к своей комнате. Он знал, что внимание всех девушек в магазине сконцентрировано на сцене, разыгрывающейся в его кабинете, которую можно было хорошо наблюдать из нижнего этажа.

Одетта тоже отлично знала, в чем дело, и чем дольше ей приходилось оставаться, тем несчастнее и неуютнее она себя чувствовала. Она сделала движение, как будто собираясь уходить, но он удержал ее.

– Мне кажется, Одетта, что вы на самом деле неправильно поняли меня, – произнес он мягким, мелодичным и почти ласкающим голосом. – Читали ли вы мою маленькую книжечку? – внезапно спросил он.

– Да, я прочла в ней разное, – ответила она, и густая краска снова залила ее щеки.

Он рассмеялся:

– Вы, вероятно, находите это очень интересным, что человек в моем положении занимается тем, что пишет книги. Но вы можете себе, конечно, представить, что большая часть была написана раньше, чем я перенял управление этим делом – прежде чем я стал купцом!

Она ничего не ответила, и он с любопытством посмотрел на нее.

– Каково ваше мнение об этих стихотворениях? – спросил он после короткой паузы.

Ее губы задрожали, но он снова не догадался, в чем дело.

– Я считаю их ужасными, – сказала она тихо, – у меня нет другого названия для них.

Он наморщил лоб.

– Какое же у вас посредственное и плохое мнение, мисс Райдер, – ответил он с досадой. – Эти стихи лучшие критики страны сравнивали с самыми красивыми стихотворениями древних эллинов.

Она хотела что-то сказать, но удержалась и плотно сжала губы.

Торнтон Лайн пожал плечами и принялся расхаживать взад и вперед по своему с большой роскошью убранному бюро.

– Ну, понятно, широкие массы рассуждают о поэзии как об овощах, – сказал он, помолчав минуту, – вы должны еще немного заняться своим образованием, особенно в области литера-

туры. Придет еще время, когда вы мне будете благодарны, что я дал вам возможность познакомиться с красивыми мыслями, изложенными таким красивым языком.

Она взглянула на него:

– Могу я теперь уйти, мистер Лайн?

– Еще нет, – ответил он холодно.

– Вы раньше сказали, что вы не в состоянии понимать меня.

– Мне хотелось бы повторить это еще раз немного яснее.

– Вы, как вам, вероятно, самой известно, – очень красивая девушка. В дальнейшем течении вашей жизни вы, как это в вашем сословии принято, выйдете замуж за человека средних умственных способностей и без большого образования и у него под боком будете вести образ жизни, который во многих отношениях напоминает жизнь рабыни. Такова судьба всех женщин среднего класса, как вам это, вероятно, хорошо знакомо. Хотите ли вы тоже испытать эту судьбу только потому, что какой-то мужчина в черном сюртуке и в белом воротнике скажет вам слова, которые для интеллигентных людей не имеют ни значения, ни права на определение судьбы? Я никогда не предложил бы вам проделать подобную дурацкую церемонию, но я сделал бы все, чтобы сделать вас счастливой.

Он подошел к ней и положил ей руку на плечо. Она, вздрогнув, подалась назад. Он рассмехался:

– Ну, что вы скажете на это?

Она внезапно обернулась, ее глаза блеснули, но она успела овладеть своим голосом.

– Оказывается, я одна из тех неразумных молодых девушек из предместья, которые придают большое значение произносимым при венчании словам, о которых вы сейчас так презрительно отзывались. Но, в конце концов, я не настолько узка, чтобы не знать, что церемония венчания, одна, сама по себе, не делает еще людей более счастливыми или более несчастными. Но, заходит ли речь о браке или о какой-нибудь другой форме отношений, во всяком случае, тот человек, которому я отдаю свою любовь, должен быть мужчиной с ног до головы.

Он посмотрел на нее с раздражением.

– Что хотите вы этим сказать? – Его голос уже больше не звучал так мягко и ласкательно-льстиво, как раньше.

У Одетты готовы были проступить слезы на глазах, но она еще раз сдержалась.

– Мне противен такой, не знающий удержки, человек, который воплощает ужасные мысли и чувства в ничего не говорящие стихи; повторяю вам еще раз, что я могу полюбить только настоящего мужчину.

Его лицо передернулось.

– Знаете ли вы, с кем вы разговариваете? – спросил он, повышая голос.

Ее дыхание стало учащенным.

– Я говорю с Торнтоном Лайном, владельцем фирмы «Лайн», шефом Одетты Райдер, которая каждую неделю получает от него три фунта жалованья.

Он пришел в бешенство и от волнения едва мог говорить.

– Берегитесь! – крикнул он.

– Я говорю с человеком, вся жизнь которого является сплошным упреком для настоящего мужчины. – Теперь она говорила быстро, не сдерживаясь более. – Вы человек неискренний и ведете роскошный образ жизни, потому что ваш отец был большой делец. Вы тратите деньги не считая, те деньги, которые лучшие люди приобрели для вас тяжелым трудом. Я не дам запугать себя! – гневно воскликнула она, когда он вздумал подойти к ней. – Я оставляю свою должность еще сегодня.

Торнтон Лайн был глубоко задет и пристыжен ее презрением. Она это сразу поняла, ей стало жалко, что она была настолько резка, и ей захотелось хоть отчасти загладить свои слова.

– Мне очень жаль, что я была настолько резкой, – любезно сказала она, – но вы сами вызвали меня на это, мистер Лайн.

Он не в состоянии был произнести ни слова и только молча указал головой на дверь.

Одетта Райдер покинула комнату, и мистер Лайн подошел к одному из больших окон. Он посмотрел ей вслед, как она с опущенной головой медленно проходила сквозь ряды служащих и на другой стороне магазина поднялась на три ступени, ведущие к помещению главной кассы.

– Ты еще заплатишься мне за это, – прошипел он, стиснув зубы.

Он был выше меры оскорблен и обижен. Он был сыном богатого человека, его всегда берегли и охраняли от жестокой борьбы за существование. Он не посещал общественной школы, в которой он больше сталкивался бы с окружающей жизнью и другими людьми, но он посещал частные учебные заведения, в которые принимались только сыновья самых богатых людей. Он постоянно был окружен льстецами и людьми, желавшими извлекать пользу из его богатства. Никогда ни сам он, ни его действия не подвергались резкой критике справедливых учителей и воспитателей. Только третьестепенная печать хвалила его литературные произведения выше мер, извлекая из этого соответствующую пользу.

Он закусил губы, подошел к письменному столу и позвонил. Сейчас же вошла его секретарша, которую он раньше отослал.

– Мистер Тарлинг пришел?

– Да, сэр, он уже четверть часа ожидает в зале для заседаний.

Он кивнул.

– Благодарю вас.

– Позвать ли мне его сюда?

– Нет, я сам отправлюсь к нему, – ответил Лайн.

Он вынул из золотого портсигара сигарету и закурил. Его нервы были немного возбуждены после недавней беседы, и его рука дрожала, но буря в его душе понемногу улеглась; ему пришла в голову мысль. Тарлинг! Какая блестящая возможность, этот человек, имевший репутацию гениальности и необычайного ума! Эта неожиданная встреча была просто бесподобна. Быстрыми шагами он пошел по коридору, соединявшему его личное бюро с залом заседаний, и с протянутыми руками вошел в большое помещение.

Человек, которого он так любезно приветствовал, имел на вид не то двадцать семь, не то тридцать семь лет. Он был высокого роста, строен и скорее молод, чем силен. Его лицо имело смуглую окраску, а голубые глаза, которыми он посмотрел на Лайна, глядели твердо и непроницаемо.

Таково было первое впечатление, которое он произвел на Лайна. Тарлинг пожал Лайну руку с неприятным ощущением. Рука Лайна была мягкая, совсем как у женщины. Поздоровавшись, Лайн обнаружил присутствие в комнате еще третьего лица. Это был человек среднего роста, сидевший в тени выступа стены. Он точно так же поднялся и отвесил короткий поклон.

– Вы взяли с собой китайца? – спросил Лайн и с любопытством посмотрел на этого человека. – Ах, я почти забыл, что вы как раз прибыли из Китая. Но садитесь же, прошу вас.

Лайн тоже придвинул себе стул и предложил Тарлингу свой портсигар.

– О поручении, которое я вам собираюсь дать, мы поговорим потом. Должен вам откровенно признаться, что я очень высокого мнения о вас, после всех газетных статей, которые мне пришлось про вас читать. Ведь это вы недавно нашли драгоценности герцогини Генри? Я еще гораздо раньше слышал о вас, когда сам был в Китае. Насколько я знаю, вы не состоите на службе в Скотланд-Ярде?

– Нет. Я, правда, занимал крупный пост в шанхайской полиции и, возвращаясь в Англию, имел намерение поступить на службу в здешнюю полицию, но вышли разные обстоятельства, которые побудили меня открыть собственное сыскное агентство. В Скотланд-Ярде я не имел бы той свободы действия, в которой я так нуждаюсь.

Лайн быстро кивнул.

– Во всем Китае тогда рассказывали о подвигах Джека Оливера Тарлинга. Китайцы называли его «Ли-Иен» – «охотник на людей».

Лайн всех людей оценивал со своей точки зрения и в человеке, сидящем напротив него, видел подходящее орудие и, по всей вероятности, еще ценного сотрудника.

У сыскальной полиции в Шанхае, судя по тому, что об этом рассказывалось, были свои собственные методы, и она не имела угрызений совести по поводу того, согласны ли ее действия с буквой закона или нет. Рассказывали даже, что «охотник на людей» подвергал своих пленных пытке, желая напасть на след более крупных и тяжких преступлений.

Лайн знал далеко не все легенды об «охотнике на людей», а также не был в состоянии отличать истину от лжи во всех тех историях, которые рассказывались о знаменитом сыщике.

– Я знаю, зачем вы за мной посылали, – сказал Тарлинг. Он говорил медленно и обдуманно. – В вашем письме вы в общих чертах наметили мне задачу. Вы подозреваете одного из ваших людей, что он в течение многих лет путем больших растрат нанес фирме значительные убытки. Речь идет о некоем мистере Милбурге, вашем главном управляющем.

– Я желал бы, чтобы вы пока забыли обо всей этой истории, – тихо сказал Лайн. – Я сейчас же представлю вам Милбурга, он, по всей вероятности, может оказаться хорошим помощником при выполнении моего плана. Не хочу утверждать, что он честный человек, а также, что мои подозрения против него необоснованны, но в данный момент я занят кое-чем более важным и был бы вам признателен, если вы пока что всю историю с Милбургом отодвинете на задний план. – Он подошел к длинному столу, взял слуховую трубку и позвонил в магазин.

– Попросите мистера Милбурга прийти ко мне в зал заседаний.

Потом он вернулся к своему посетителю.

– История с Милбургом может подождать, я еще не знаю точно, возвращусь ли я когда-нибудь к ней. А вы уже начали ваши розыски? Если так, то скажите мне, пожалуйста, самое существенное, пока Милбург еще не пришел.

Тарлинг вынул из кармана маленькую белую карточку и бросил на нее взгляд.

– Какое жалованье получает у вас Милбург?

– Девятьсот фунтов в год, – ответил Лайн.

– Но он тратит около пяти тысяч, – ответил Тарлинг. – Если я буду продолжать свои розыски, то эта сумма еще, может быть, увеличится. Он владеет домом вверх по реке, устраивает большие вечера.

Лайн нетерпеливо махнул рукой.

– Пока это лучше оставим. Я уже сказал вам, что в данный момент у меня для вас гораздо более важная задача. Пусть Милбург будет вором.

– Вы посылали за мной, сэр?

Лайн быстро обернулся. Дверь бесшумно отворилась. На пороге стоял лицемерно улыбающийся человек, все время потирая руки, как будто он мыл их невидимым мылом.

II

– Разрешите представить – мистер Милбург, – представил его Лайн, немного смущенный. Если даже Милбург слышал последние слова своего шефа, то ни одно его движение не выдавало этого. Он самодовольно улыбался, и в маловыразительных чертах его лица отражалось полное довольство. Тарлинг быстро поглядел на него и сделал свои собственные выводы. Этот человек был прирожденный лакей, имел тупое выражение лица, лысую голову и сутулые плечи, как будто бы он каждую минуту готов был кланяться.

– Закройте двери, мистер Милбург, и присядьте. Это мистер Тарлинг – сыщик.

– Чрезвычайно интересно, сэр.

Милбург почтительно поклонился Тарлингу. Сыщик внимательно наблюдал за ним, но мистер Милбург не краснел и не бледнел, и его лицо было неподвижно. Тарлинг не заметил ни одного из тех признаков, благодаря которым преступники нередко выдавали себя ему с головой.

«Опасный человек», – подумал он.

Он бросил взгляд на Линг-Чу, чтобы узнать, какое впечатление на него произвел Милбург. Любой другой наблюдатель не нашел бы ничего особенного в выражении лица и позе китайца. Но Тарлинг увидел, что его губы почти незаметно вздрогнули и ноздри слегка приподнялись.

Это были не допускающие сомнения признаки, что Линг-Чу почувствовал преступление.

– Мистер Тарлинг – сыщик, – повторил Лайн. – Я очень много слышал о нем, когда был в Китае, – вы же помните, что я во время своего кругосветного путешествия три месяца был в этой стране? – спросил он Тарлинга, который коротко кивнул в ответ.

– Да, я знаю, вы проживали в «Бунт-отеле» и много времени проводили в туземном квартале. Вам пришлось пережить неприятное приключение, когда вы пошли курить опиум.

Лайн покраснел, потом рассмеялся:

– Вы, оказывается, знаете обо мне гораздо больше, чем я о вас, Тарлинг! – По его тону было слышно, что последнее замечание было ему неприятно. Он снова обратился к своему служащему: – Я имею все основания предполагать, что в моем деле пропадают деньги, которые похищаются одним из служащих главной кассы.

– Это совершенно невозможно! – в ужасе воскликнул мистер Милбург. – Кто же это мог сделать? Но я удивляюсь вашему ясному взгляду, сэр, что вы это раскрыли. Ведь я всегда утверждал, что вы всегда успеваете заметить то, что мы, старые деловые люди, не замечаем даже тогда, когда это творится у нас на глазах!

Мистер Лайн, польщенный, улыбнулся:

– Вас это, вероятно, заинтересует, мистер Тарлинг, что я сам в этом смысле имею некоторые познания, я сказал бы даже, что имею кое-какое отношение к преступному миру. Вы, вероятно, знаете, что я в известной степени забочусь об одном таком несчастном человеке. За последние четыре года я делал всяческие попытки к его исправлению. Через несколько дней он снова выходит из тюрьмы. Я все эти заботы взял на себя, – скромно сказал он, – потому что почувствовал, что это является обязанностью как раз тех людей, которые находятся в счастливом имущественном положении, помогать другим, которые не находятся в подобных благоприятных условиях, в тяжелой борьбе за существование.

На Тарлинга эти слова не произвели ни малейшего впечатления.

– Знаете ли вы, кто вас все время обкрадывал?

– У меня все основания предполагать, что это была одна молодая барышня. Я был вынужден сегодня уволить ее без предупреждения и попросил бы вас следить за ней.

Сыщик кивнул:

– Это сравнительно простая вещь. – По его лицу незаметно скользнула улыбка. – Разве в вашем большом деле не состоит на службе частный сыщик, который мог бы заняться этим? Я такими мелкими кражами не интересуюсь. Когда я сюда пришел, то предполагал, что речь идет о гораздо более важной задаче.

Он замолчал, так как невозможно было в присутствии Милбурга сказать еще что-либо.

– Вам это дело может показаться незначительным, но для меня оно имеет большую важность, – серьезным тоном ответил мистер Лайн. – Речь идет о девушке, которая пользуется большим уважением в глазах сослуживцев и, ввиду этого, имеет большое влияние на их нравственные взгляды. Она, по всей вероятности, продолжительное время делала подлоги в книгах, утаивала предназначавшиеся для фирмы деньги и при этом пользовалась всегда благожелательным отношением и уважением к себе со стороны всех. Вполне ясно, что она гораздо опаснее, чем какой-нибудь бедный преступник, поддающийся минутному искушению. По моему мнению, ее следовало бы наказать, но я должен откровенно сознаться вам, мистер Тарлинг, что у меня на руках нет достаточных доказательств, чтобы накрыть ее с поличным. Иначе я, вероятно, и не обратился бы к вам.

– Ах так, я сперва должен составить материал? – с любопытством спросил мистер Тарлинг.

– Кто эта дама, о которой идет речь? – спросил Милбург.

– Мисс Райдер, – мрачно ответил Лайн.

– Мисс Райдер? – Милбург сделал крайне изумленное лицо. – Мисс Райдер? Ах нет, это же совершенно невозможно!

– Почему же это невозможно? – резко спросил Лайн.

– Ну да, простите меня, я только полагал... – заикаясь, пробормотал управляющий. – Это совершенно на нее не похоже. Она такая славная девушка.

Торнтон Лайн косо посмотрел на него сбоку.

– У вас какие-нибудь особые основания заступаться за мисс Райдер? – холодно спросил он.

– Нет, сэр, вовсе нет. Прошу вас, не думайте ничего такого, – немного возбужденный, сказал мистер Милбург, – мне это только кажется таким невероятным.

– Все невероятно, что не согласно с обычным ходом вещей, – сделал ему замечание Лайн. – Например, было бы очень странно, если бы вас обвинили в краже, Милбург. Не было ли бы странным, если бы мы открыли, что вы тратите пять тысяч фунтов в год, в то время как ваше жалованье, как мы все хорошо знаем, составляет только девятьсот фунтов?

Только на одну секунду Милбург потерял самообладание. Его рука, которою он погладил лоб, задрожала. Тарлинг, все время наблюдавший за его лицом, увидел, какие усилия он употреблял, чтобы не выйти из состояния равновесия.

– Да, сэр, это было бы во всяком случае очень странно, – сказал Милбург на сей раз уже твердым голосом.

Лайн все более и более взвинчивал себя и, хотя его резкие слова были обращены к Милбургу, но мысленно он обращался к гордой высокомерной девушке с гневными глазами, которая так презрительно обошлась с ним в его же собственном бюро.

– Было бы очень странно, если бы вас присудили к тюремному заключению, потому что я якобы открыл, что вы в течение долгих лет обманывали фирму, – возбужденно продолжал он. – Я убежден, что все служащие фирмы сказали бы то же, что и вы!

– Это я тоже хочу сказать, – заявил Милбург со своей обычной улыбкой. Он снова сделал любезное лицо и потирал руки. – Это звучало бы очень странно, и никто не был бы более поражен, чем сама несчастная жертва. – Сказав эти слова, он расхохотался во все горло.

– Может быть и нет, – холодно сказал Лайн. – Я хочу сейчас в вашем присутствии повторить несколько слов, прошу вас, слушайте внимательно. Вы уже месяц тому назад жаловались мне, – Лайн произносил каждое слово с ударением, – что в кассе не хватало мелких сумм.

Утверждать такую вещь было большой смелостью, это было даже в известной степени рискованно. Успех этого наскоро импровизированного плана зависел не только от вины Милбурга, но и от нежелания его признать свою вину. Если его управляющий ничего не возразит против неверного утверждения, то тем самым признает собственную вину. Тарлинг, которому разговор этот сперва казался непонятным, теперь начал смутно догадываться, куда клонит Лайн.

– Я жаловался вам, что за последний месяц была нехватка денежных сумм? – с изумлением спросил Милбург.

Он не улыбался более, и на его лице внезапно показалась растерянность. Его загнали в тупик.

– Да, я говорю это, – ответил Лайн, наблюдая за ним. – Это соответствует действительности?

После продолжительной паузы Милбург кивнул.

– Да, это так, – слабым голосом ответил он.

– И вы же сами сообщили мне, что вы подозреваете мисс Райдер в совершении этой растраты?

Снова наступила пауза, и снова Милбург кивнул.

– Вы слышите это? – торжествуя, спросил Лайн.

– Да, – спокойно ответил Тарлинг. – Но что же мне делать, ведь это касается обыкновенной полиции?

Лайн сдвинул брови.

– Мы должны сперва подготовить заявление для полиции. Я посвящу вас во все подробности, дам вам адрес молодой дамы, а также все данные о ее личности. Тогда вашей задачей будет доставить нам такую информацию, чтобы мы были в состоянии передать этот случай Скотланд-Ярду.

– Понимаю, – сказал Тарлинг и улыбнулся. Но потом он покачал головой. – Я не могу заниматься этим делом, мистер Лайн.

– Почему же нет? – удивленно спросил Лайн.

– Потому что я не занимаюсь подобными вещами. Когда вы писали мне, у меня было чувство, что благодаря вам в мои руки попадает один из интереснейших случаев, с которым мне когда-либо приходилось иметь дело. Очевидно, первое впечатление может быть иногда обманчивым, – он взялся за шляпу.

– Что вы хотите этим сказать? Вы таким образом отказываетесь от ценного клиента.

– Я не знаю, насколько вы ценны, но в данный момент дело выглядит не очень радужным. Я не хотел бы заниматься этой историей, мистер Лайн.

– Вы полагаете, что дело недостаточно значительно для вас? – неприятно пораженный, спросил Лайн. – Я готов уплатить вам за труды пятьсот фунтов.

– Даже если вы мне уплатите пять тысяч, даже пятьдесят тысяч фунтов, я должен буду отклонить предложение заняться этим делом, – ответил Тарлинг.

Его ответ звучал решительно и категорически.

– Тогда разрешите спросить, почему вы не хотите заняться этим делом? Вы знакомы с этой девушкой? – излишне громко спросил он.

– Я никогда не видел этой молодой дамы и, по всей вероятности, никогда ее не увижу. Я хочу только заявить, что не желаю, чтобы мне надоедали подобными искусственно построенными обвинениями.

– Искусственно построенными обвинениями?

– Я полагаю, вы хорошо знаете, что я думаю, но я хочу сказать это вам в более ясной и понятной форме. В силу какой-нибудь причины вы злы на одну из ваших служащих. Я могу распознать ваш характер по вашему лицу, мистер Лайн. Мягкая форма вашего круглого подбородка и ваш чувственный рот показывают мне, что вам не доставляет угрызений совести ваше обращение с дамами, которые у вас работают. Я не знаю, но предполагаю, что какая-нибудь порядочная девушка дала вам как следует по носу, что вас очень рассердило, и, обуреваемый жаждой мщения, вы сочиняете совершенно необоснованные обвинения против нее.

– Мистер Милбург, – он снова обратился к управляющему, – имеет основания идти навстречу вашим подлым желанием. Он ваш служащий, и, кроме того, на него оказывает действие скрытая угроза, что вы собираетесь упрятать его в тюрьму, если он откажется действовать заодно с вами.

Лицо Торнтон Лайна было искажено яростью.

– Я позабочусь, чтобы ваше подлое поведение получило широкую огласку. Вы здесь в самой оскорбительной форме бросили мне в лицо обвинение, и я подам на вас в суд за клевету. Дело, очевидно, в том, что вы чувствуете, что мое задание вам не по силам, и ищете повода отклонить его.

Тарлинг вынул из кармана сигару и откусил кончик.

– Моя репутация слишком хороша, чтобы я должен был впутываться в подобные грязные дела. Мне очень не хотелось бы оскорблять других, и я неохотно выпускаю из рук возможность хорошо заработать, но я не хочу зарабатывать деньги, совершая подлости, мистер Лайн. И, если вы позволите дать вам хороший совет, то оставьте этот вздорный план, который вызван только вашим задетым самолюбием. Замечу мимоходом, что это наиболее неудачная форма поднять дело. Пойдите лучше и попросите у молодой дамы извинения, потому что, как я предполагаю, вы ее, должно быть, грубейшим образом оскорбили.

Он кивнул своему спутнику китайцу и медленно вышел из помещения. Лайн наблюдал за ним, дрожа от гнева. Он сознавал свое бессилие, но, когда дверь уже наполовину закрылась, он вскочил с подавленным криком, широко распахнул дверь и подскочил к сыщику.

Тарлинг схватил его обеими руками, поднял, отнес обратно в комнату и посадил на стул. Потом добродушно посмотрел на него сверху вниз.

– Мистер Лайн, – сказал он слегка саркастически, – вы сами подаете дурной пример преступникам. Хорошо, что ваш приятель-преступник еще сидит в тюрьме!

Не говоря больше ни слова, он покинул комнату.

III

Два дня спустя Торнтон Лайн сидел в своем большом автомобиле, стоявшем на краю тротуара, недалеко от Уондворт-Компона и смотрел по направлению к воротам тюрьмы.

Он был поэт и актер, редкая помесь для делового человека его типа.

Торнтон Лайн был холост. Он выдержал университетский экзамен и получил отличие за научную работу. Был он также автором-издателем тоненького томика стихов. Качество его стихов было не особенно выдающееся, но книга была украшена очень красивыми заставками и переплетена в старинном вкусе.

Он был купец, и это ему в некоторых отношениях было далеко не неприятно. Тем более что его профессия давала ему возможность вести роскошный образ жизни. Он владел несколькими автомобилями, деревенским поместьем и домом в городе. Отделка и мебель для обеих квартир поглотили такие крупные суммы, на которые он смело мог бы скупить большое число мелких магазинов.

Джозеф Эмануэль Лайн основал эту фирму и поднял ее на значительную высоту. Он выработал специальную систему продажи, согласно которой каждый клиент обслуживался сейчас же, как только он успевал войти в магазин. Этот метод основывался на старом принципе – держать постоянно наготове достаточные резервы.

Торнтон Лайн должен был перенять управление делом в тот момент, когда выход в свет его маленького томика возвысил его в сонм непонятых знаменитостей. В своих стихотворениях он пользовался совершенно необычной пунктуацией, перевернутыми запятыми, восклицательными и вопросительными знаками, чтобы выразить свой гнев и презрение человечеству. Несмотря на то что томик был очень тонкий, его все-таки не покупали, но Лайн сумел добиться известного уважения у тех мужчин и женщин, которые точно так же писали стихи и книги которых никто не читал.

Ничто в этом мире не казалось этой непонятой знаменитости более надежным, чем то, что наивысшая степень благородства выражается в презрении. При других обстоятельствах Торнтон Лайн мог бы добраться и до дальнейших степеней непонятности – на такую высоту, где можно чувствовать себя возвышенным над браком, мылом, чистыми рубашками и свежим воздухом. Лишь то обстоятельство, что внезапно умер его отец, было виной, что он не достиг этой степени совершенства.

Сначала он почти уже был готов продать всю фирму, чтобы поселиться где-нибудь во Флоренции или на Капри, в какой-нибудь уединенной вилле. Но потом его соблазнило противоречие, можно сказать, комизм его положения. Ученый человек, важный барин, непонятый поэт должен был засесть в купеческой конторе. И, ко всеобщему изумлению, он стал продолжать работу своего отца, вернее говоря, он подписывал чеки и получал доход. Действительное руководство фирмой он передал тем людям, которым доверил это уже сам старый Лайн.

Торнтон составил воззвание к своим трем тысячам служащих, воззвание, которое он дал напечатать на бумаге верже античной формовки, с изумительно красивыми заставками и широкими полями. Он цитировал Сенеку, Аристотеля, Марка Аврелия и вставил также несколько стихов из «Илиады».

Это воззвание было прорецензировано как книга длинными критическими статьями в газетах.

Он получил новый интерес к жизни – он сам себе казался весьма интересным, так как многие из его восторженных друзей только руками разводили и с изумлением спрашивали: «Как можете вы – человек таких способностей, такого характера?..»

Жизнь продолжала бы оставаться для него и впредь такой же интересной и красивой, если бы все люди, которых он встречал на своем пути, продолжали считать его полубогом. Но

было, по крайней мере, двое людей, на которых прекрасный характер и миллионы Лайна не производили никакого впечатления.

В лимузине было приятно тепло, так как он отапливался электрической печью. В это хмурое апрельское утро на улице было чувствительно холодно. Кучка дрожащих женщин, стоявших на почтительном расстоянии от ворот тюрьмы, как можно более плотно закуталась в свои платки и шали, когда начало слегка снежить.

Вскоре вся местность укрылась легким белым покрывалом, и первые весенние цветы выглядели довольно жалко в своей белой рамке.

Тюремные часы пробили восемь. Отворилась маленькая дверь, из которой вышел человек. Он наглухо застегнул куртку и воротник и глубоко надвинул на лицо кепку. Лайн выпустил из рук газету, которую он все время читал, открыл дверцы автомобиля, выскочил и поспешил навстречу выпущенному арестанту.

– Ну, Сэм, – любезно сказал он, – на сей раз вы меня, наверно, не ожидали?

Человек вдруг остановился, как пораженный молнией, и уставился на фигуру в дорожной шубе.

– Ах, мистер Лайн, – ответил он усталым голосом. – Мой милый барин! – больше он не мог говорить, слезы катились по его щекам, и он обеими руками схватил протянутую ему руку.

– Ведь не думали же вы в самом деле, что я оставлю вас на произвол судьбы, Сэм.

Лайн был в восторге от своего собственного благородного образа мыслей.

– А я думал, что на сей раз вы совершенно отказались от меня, сэр, – хрипло ответил Сэм Стэй. – Вы воистину благородный джентльмен. Я должен стыдиться самого себя.

– Чепуха, Сэм, не надо! Пойдемте скорее в мой экипаж, садитесь сюда, мой мальчик. Теперь люди могут подумать, что и вы миллионер.

Сэм вздохнул, бессмысленно ухмыльнулся и сел в автомобиль. Он со вздохом опустился на мягкое сиденье, обитое дорогой коричневой сафьяновой кожей.

– Боже мой, если подумать только, что есть еще на свете такие люди, как вы, то воистину еще можно верить в ангелов и чудеса!

– Не говорите глупостей, Сэм. Вы поедете теперь ко мне домой, покушаете хоть раз досыта, а потом я вам помогу начать новую жизнь.

– Теперь, наконец, я действительно хочу начать вести порядочный образ жизни, – сказал Сэм, подавляя рыдание.

Чтобы не согрешить против истины, надо сказать, что мистер Лайн, в сущности говоря, очень мало интересовался тем, ведет ли Сэм честный образ жизни или нет. Быть может, он даже пришел бы в ужас, если бы Сэм стал порядочным человеком.

Он держал у себя Сэма приблизительно так же, как другие люди держат редкую птицу или породистых собак, и гордился им не меньше, чем другие люди гордятся своими коллекциями почтовых марок или китайского фарфора. Сэм принадлежал к той роскоши, которую он мог себе позволить и которой мог похвастать. В своем клубе он охотно рассказывал о знакомстве с этим преступником, – Сэм был очень известный взломщик несгораемых шкафов, который ничем другим не занимался. Привязанность Сэма была для Лайна необычайно приятной щекоткой нервов. Обожание, с которым этот преступник относился к Лайну, было действительно необычайно. Сэм без малейшего колебания отдал бы жизнь за этого человека с бледным лицом и легкомысленным ртом. Он дал бы разорвать себя на куски для своего благодетеля, если бы он был в состоянии таким путем принести ему пользу. Потому что Лайн был для него Богом, сошедшим с небес. Два раза Сэм был осужден на краткосрочное заключение, а однажды ему пришлось посидеть даже более продолжительное время, и каждый раз Торнтон брал его к себе домой, роскошно угощал, давая ему при этом целую кучу светских, но совер-

шенно излишних советов, и отпускал его от себя с десятью фунтами в кармане. Этой суммы как раз хватало Сэму на покупку нового набора фомок и отмычек.

Но никогда еще прежде Сэм не высказывал столько благодарности, и никогда еще до сих пор Торнтон Лайн не оказывал ему так много внимания. Прежде всего ему предложили горячую ванну, после которой был подан горячий завтрак. Сэм получил новый костюм, и в его жилетном кармане на сей раз шуршали не две, а даже целых четыре пятифунтовые бумажки. После завтрака Лайн держал к нему свою обычную речь.

– Ах, сэр, это не подходит для меня! – совершенно откровенно сказал Сэм и покачал головой. – Я делал всяческие попытки начать вести честный образ жизни, но вечно что-то мешает. Когда я вышел предпоследний раз из тюрьмы, я же стал шофером и три месяца подряд ездил на такси. Но потом один из этих проклятых сыщиков узнал, что у меня нет шоферского свидетельства, и моему честному образу жизни пришел конец. Нет никакого смысла дать мне должность в вашем деле, это все равно не могло бы долго продолжаться. Я уже привык к жизни на вольном воздухе и должен быть сам себе господином. Я принадлежу к разряду...

– Искателей приключений? – сказал Лайн и тихо усмехнулся. – Да, да, вы правы, Сэм. И я сам на сей раз могу вам дать одну довольно авантюрного свойства задачу, которая вам будет как раз по сердцу.

И он рассказал ему историю девушки, которой он помог, которую он спас от голодной смерти и которая обманула его самым низким образом. Торнтон Лайн был в такой же степени лжецом, как и поэт. Он с одинаковой легкостью говорил ложь или правду. Но правда временами бывала очень суровой и отталкивающей и не подходила к его изнеженным художественным наклонностям. Когда он заговорил о злости Одетты Райдер, Сэм слушал в большом возбуждении, сдвинувши веки. Для такой твари не было достаточно тяжелого наказания, и она не заслуживала ни малейшего сочувствия. Торнтон Лайн на минуту прервал рассказ, чтобы видеть, какое впечатление произвели на Сэма его слова.

– Скажите мне только, – дрожащим голосом прошептал Сэм, – как можно разделаться с этой канальей? Я готов опуститься в самый ад, чтобы отомстить за вас этой особе!

– Рад слышать это, – ответил Лайн и налил из бутылки с длинным горлышком полную рюмку. Это был любимый напиток Сэма. – А теперь я могу вам сказать, как я себе представлял это дело.

Они еще несколько часов просидели вместе и составили план ужасной мести Одетте Райдер, которая так тяжело задела тщеславие Торнтона Лайна и чье нравственное поведение распалило ненависть этого порочного человека.

IV

Вечером того же дня, когда Сэм Стэй был выпущен из тюрьмы, Джек Тарлинг лежал растянувшись на своей жесткой кровати. С сигаретой в зубах он читал книгу о китайской философии и был доволен собой и всем миром.

Он пережил хлопотливый день, так как ему было поручено раскрыть крупную растрату в одном банке. Это дело могло бы, собственно говоря, поглотить его целиком, если бы у него одновременно не было маленького побочного занятия. Это не приносило ему, правда, ничего, но его любопытство и интерес были разбужены.

Он оставил книгу лежать на груди, когда услышал, как его ассистент тихо открыл дверь. Линг-Чу беззвучно вошел и поставил поднос на низенький столик рядом с постелью своего господина. Тарлинг увидел, что китаец надел платье из синего шелка.

– Ты сегодня вечером не собираешься выходить на улицу, Линг-Чу?

– Нет, Ли-Иен.

Они разговаривали между собой на мягком, мелодичном шантунгском наречии.

– Был ли ты у господина с хитрым лицом?

Вместо ответа китаец вынул из внутреннего кармана конверт и подал его Тарлингу, который прочел адрес.

– Вот где живет молодая дама? Мисс Одетта Райдер, двадцать семь, дом Керримора, Эджвар-роуд.

– Это дом, где живет много людей, – сказал Линг-Чу. – Я пошел туда сам по твоему поручению и видел, как люди входили и уходили беспрерывно, и ни разу я не видел одного и того же человека вторично.

– Что сказал человек с хитрым лицом, получив мое письмо?

– Он молчал, господин. Он все перечитывал письмо и сделал вот такое лицо.

Линг-Чу стал подражать улыбке мистера Милбурга.

– И потом он написал то, что ты здесь видишь.

Тарлинг на минутку уставился глазами в пустоту, потом оперся на локоть и взял в руку чашку чаю, принесенную Линг-Чу.

– Узнал ли ты еще что-нибудь про человека с мягким белым лицом, Линг? Разыскал ли ты и его?

– Да, господин, я видел его, – серьезно ответил китаец, – это человек без неба.

Тарлинг кивнул. Дело в том, что китайцы употребляют слово «небо» вместо слова «Бог», и он знал, что Линг-Чу хороший наблюдатель и хотел этим самым выразить, что Торнтон Лайн был человеком, лишенным духовных способностей.

Он выпил чаю и поднялся.

– Линг, этот город и эта страна очень мрачны и печальны, и я не думаю, что долго проживу здесь.

– Разве господин снова хочет вернуться в Шанхай? – спросил китаец без малейшей тени удивления по поводу этой новости.

– Да, я так думаю, во всяком случае, здешние места слишком скучны. Эта пара жалких случаев, мелких краж и брачных историй, – я не в состоянии больше слышать об этом.

– Это только мелочь, – с философским спокойствием сказал Линг-Чу. – Но учитель, – он имел в виду великого философа Конфуция, – сказал, что все великое начинается с мелочей, и, может быть, маленький человек снимет голову с большого, и тогда тебя позовут изловить убийцу. Тарлинг рассмеялся.

– Ты большой оптимист, Линг. Я не думаю, чтобы моя помощь была здесь желательна при поимке убийцы. В этой стране частных сыщиков в подобных случаях не привлекают к работе.

Линг-Чу покачал головой.

– Но мой господин должен вылавливать убийц, или же он больше не будет Ли-Иеном – охотником на людей.

– Ты кровожаден, – внезапно сказал Тарлинг на английском языке, который Линг знал очень плохо, хотя он и учился в лучших миссионерских школах. – Теперь я немного выйду, – продолжал Тарлинг снова по-китайски, – и пойду посетить маленькую женщину, которую так хочется иметь «белому лицу».

– Могу я сопровождать тебя, господин?

Тарлинг минуту колебался.

– Да, ты можешь идти со мной, но ты должен оставаться позади.

Дома Керримора составляли большой блок, лежавший между двумя фешенебельными зданиями на Эджвар-роуд. Нижний этаж был сдан под магазины, и благодаря этому квартирная плата для жильцов несколько удешевлялась. Несмотря на это, Тарлинг предположил, что квартирная плата должна быть сравнительно высокой, в особенности для девушки, служившей в магазине, в том случае, если она проживает отдельно от семьи. Но у швейцара он получил новое разъяснение. Она занимала маленькую квартиру в полуэтаже, где помещения имели низкий потолок, и ввиду этого мисс Райдер платила за квартиру не особенно дорого.

Скоро он стоял перед гладко отполированной дверью из красного дерева и размышлял, под каким предлогом он мог войти к молодой даме так поздно вечером. По ее взгляду он понял сразу, что ему придется дать объяснение, когда она открыла ему дверь.

– Да, я мисс Райдер, – сказала она.

– Могу я поговорить с вами несколько минут?

– Мне очень жаль, но я в квартире одна и не могу вас попросить к себе.

Это было плохим началом.

– Может быть, вы согласитесь немного погулять со мной? – спросил он озабоченно.

Несмотря на всю странность данного положения, ей пришлось улыбнуться.

– Для меня совершенно невозможно гулять с кем-нибудь, кого я раньше никогда не видала.

– Я вполне понимаю ваши затруднения. Боюсь, что здесь в Англии меня недостаточно знают. Вы, наверно, не знаете моего имени.

Она взяла карточку в руки и прочла.

– Частный сыщик? – испуганно спросила она. – Кто послал вас ко мне? Ведь не мистер...

– Нет, не мистер Лайн.

Она колебалась одну секунду, потом открыла дверь немного пошире.

– Прошу вас, войдите, – мы можем поговорить здесь в передней. Надеюсь, я правильно поняла вас, что не мистер Лайн направил вас ко мне?

– Мистеру Лайну, во всяком случае, очень хотелось бы, чтобы я разыскал вас, и я в известной степени злоупотребляю его доверием, но я не думаю, чтобы он так или иначе мог бы рассчитывать на мое молчание. Я, собственно говоря, не знаю, зачем я пришел сюда и тревожу вас, но я хотел бы посоветовать вам быть настороже.

– Почему?

– Вы должны опасаться интриг одного господина, которого вы... – Он минутку поколебался и замолчал.

– Оскорбили, – дополнила она.

– Я же не знаю, что вы ему сказали, – сказал он, улыбаясь, – но предполагаю, что вы, в силу той или иной причины, задели мистера Лайна и что он собирается отомстить вам. Я не хочу спрашивать вас о том, что случилось, потому что понимаю, что вы едва ли считали бы нужным рассказать мне это. Но я должен сообщить вам, что мистер Лайн, по-видимому, готовит против вас обвинение и что он старается изобрести кое-что, чтобы обвинить вас в краже.

– В краже? – воскликнула она с возмущением. – Он собирается заявить полиции, что я его обкрадывала? Но это же немыслимо, чтобы он был таким дурным человеком!

– О, это вовсе не так уж невозможно, что человек может быть чрезвычайно подлым, – возразил Тарлинг. Его лицо оставалось непроницаемым, несмотря на то, что в глазах искрилась улыбка. – Во всяком случае, я знаю об этом и слышал своими ушами, как он заставил мистера Милбурга дать кое-какие показания, будто бы в главной кассе происходили денежные кражи.

– Но ведь это же совершенно невозможно, – сказала она с ужасом, – мистер Милбург не в состоянии сказать этого. Это совершенно исключено!

– Мистер Милбург первоначально не хотел сделать этого, готов охотно согласиться с вами. – Он вкратце рассказал ей сцену в зале заседаний фирмы «Лайн», умолчав только о всех прямых и косвенных подозрениях против самого мистера Милбурга. – Вы видите, стало быть, что вы должны быть очень настороже. Я хотел бы даже посоветовать вам снестись с каким-нибудь адвокатом и передать ему все дело. Вы не должны начинать вести дело против мистера Лайна непосредственно, но это бы очень усилило вашу позицию, если бы вы передали дело и посоветовались с какой-нибудь известной в обществе личностью.

– Я премногим вам обязана, мистер Тарлинг, – горячо сказала она, поглядев при этом на него. Ее улыбка была настолько нежной, многовыражающей и беспомощной, что Тарлинг был как-то особенно тронут.

– А если вы не хотите брать адвоката, то можете положиться на меня. Я всегда приду вам на помощь, если вы каким-либо образом окажетесь в опасности или будете иметь неприятности.

– Вы не знаете, как я вам благодарна, мистер Тарлинг. И я ведь так нелюбезно приняла вас!

– Было бы с вашей стороны, если можно так выразиться, весьма безрассудно, если бы вы вздумали обращаться со мной иначе.

Она подала ему обе руки, он крепко пожал их и увидел слезы в ее глазах. Но потом она взяла себя в руки и ввела его в свою маленькую жилую комнату.

– Я потеряла должность, но имею уже несколько новых предложений. Одно из них я приму. Но остаток недели я собираюсь использовать для себя и устроить себе каникулы.

Вдруг Тарлинг сделал ей знак замолчать: у него был чрезвычайно чуткий слух.

– Вы разве ожидаете визита? – тихо спросил он.

– Нет, – ответила она удивленно.

– Кроме вас еще кто-нибудь проживает в этом помещении?

– Моя прислуга спит здесь, но она сегодня вечером пошла гулять.

– У нее есть ключ?

Одетта отрицательно покачала головой. Тарлинг поднялся. И она удивилась, как быстро и ловко двигался это рослый и крупный мужчина. Он бесшумно поспешил к двери, быстро повернул ручку и распахнул дверь настежь.

Снаружи на коврике для ног стоял человек и отскочил назад в тот момент, когда Тарлинг неожиданно появился у входа.

Незнакомец выглядел очень плохо и был одет в новый костюм, очевидно, сшитый не на его рост. Его лицо имело желтую нездоровую окраску, как это часто наблюдается у только что отбывших наказание преступников.

– Простите, пожалуйста, это не номер восемь? – спросил он.

В следующий момент Тарлинг схватил его за шиворот и втащил в квартиру.

– Что вам здесь нужно? Что у вас там в руке? – с этими словами Тарлинг силой отнял у него какой-то предмет. Это не был ключ, а какой-то странный плоский инструмент. Одним движением он сорвал с незнакомца сюртук, сделал несколько шагов назад и прикрыл дверь. Быстро и с изумительной ловкостью он обыскал сюртук. Из двух карманов он вытащил, по

крайней мере, дюжину украшенных бриллиантами перстней, снабженных маленькими этикетками фирмы «Лайн».

– Вот как? – саркастически спросил Тарлинг. – Это, по-видимому, подарки мистера Лайна мисс Райдер, потому что он так любит ее?

Незнакомец онемел от ярости. Если бы взгляды были в состоянии убивать кого-нибудь, то Тарлинг должен был тут же упасть мертвым.

– Это довольно глупый трюк. – Тарлинг печально покачал головой. – Ступайте к тому, кто поручил вам это дело, именно к мистеру Торнтону Лайну, и скажите, что мне стыдно, что такой интеллигентный человек может применять такие низкие и такие дурацкие приемы. – Он открыл двери и выставил Сэма Стэя в темный коридор, на лестницу.

Одетта, испуганно наблюдавшая за всем, теперь вопросительно посмотрела на Тарлинга.

– Что все это должно означать? Я так боюсь. Что нужно было здесь тому человеку?

– Вы не должны бояться ни его, ни кого бы то ни было вообще. Мне очень жаль, что это доставило вам огорчение.

Ему удалось наконец успокоить ее, и, когда вскоре после того вернулась прислуга, он распрощался с ней.

– Итак, подумайте об этом, – у вас есть мой телефонный номер, и вы можете позвонить ко мне, если вы как-нибудь попадете в затруднительное положение, в особенности если завтра у вас выйдут какие-нибудь неприятности, – подчеркнуто добавил он.

Но на следующий день не случилось ничего особенного. Несмотря на это, она в три часа дня позвонила ему:

– Я хочу вам сказать еще, что я поеду за город, – сказала она. – Я все-таки очень испугалась вчера вечером.

– Дайте мне, пожалуйста, знать, когда вы снова вернетесь, – ответил Тарлинг, которому трудно стало отделаться от мысли о ней. – Я завтра снова пойду к Лайну и снова поговорю с ним. Мимоходом замечу, что человек, который вчера поздно вечером возился у ваших дверей, протеже мистера Лайна и предан ему телом и душой. С этого типа мы не должны спускать глаз. А дело начинает придавать новый интерес моей жизни!

Он услышал ее тихий смех.

– Неужели меня должны сперва убить, чтобы сыщик получил удовольствие? – спросила она. И он тоже улыбнулся.

– На всякий случай я завтра зайду к Лайну.

Но задуманной Джеком Тарлингом беседе вообще не суждено было состояться. На следующий день, рано утром, какой-то рабочий, проходя по Гайд-парку, чтобы скорее попасть на работу, увидел по дороге какого-то человека, лежавшего в траве недалеко от брошенного автомобиля. Он был одет, но без сюртука и жилета. Его грудь была обмотана шелковой дамской ночной рубашкой. Он был весь забрызган кровью. Руки этого человека были скрещены на груди, а на руках лежал букет желтых нарциссов.

В одиннадцать часов утра газеты поместили большие отчеты, что личность убитого, найденного в Гайд-парке, установлена. Это был не кто иной, как Торнтон Лайн. Смертельный выстрел попал ему как раз в сердце.

V

«Лондонским полицейским властям неожиданно приходится иметь дело с загадочным убийством, причем побочные обстоятельства его настолько своеобразны, что без преувеличения можно назвать это преступление загадкой нашего века. Популярная в лондонском обществе фигура, мистер Торнтон Лайн, глава крупного торгового дома, довольно значительный поэт, миллионер, чьи гуманные стремления пользуются общей известностью, был сегодня в ранний утренний час найден в таком положении, которое не оставляет ни малейшего сомнения, что он убит самым подлейшим образом.

В половине шестого утра каменщик Томас Сэведж, проходя через Гайд-парк, заметил какую-то фигуру, лежащую недалеко от дороги в траве. Он побежал туда и установил, что лежавший человек умер уже несколько часов тому назад. На трупе не было ни сюртука, ни жилета, а его грудь была обмотана шелковым платьем, по-видимому для того, чтобы унять сильное кровотечение из раны на левой стороне. Руки были скрещены на груди. Наиболее интересным фактом является то, что убийца сам уложил тело в этом странном положении. На груди убитого нашли еще букет желтых нарциссов. Скоро прибыла на место полиция, и, после того как были установлены все необходимые факты, тело было убрано. Полиция придерживается того мнения, что убийство совершено не в Гайд-парке, но несчастный был убит в другом месте и привезен в парк на своем собственном автомобиле, который стоял брошенный, приблизительно в ста метрах от места, где было найдено тело. Как нам сообщают, полиция напала на весьма важный след и непосредственно предстоит арест одного лица».

Мистер Д. О. Тарлинг, бывший чиновник сыскной полиции в Шанхае, прочел этот краткий отчет и погрузился в задумчивость.

Лайн убит! Это был необыкновенный случай, и как раз за несколько дней до этого он столкнулся с этим молодым человеком.

Сам Тарлинг, в сущности, ничего не знал о частной жизни Лайна. Он только предполагал, судя по тому, что он узнал о кратком пребывании Лайна в Шанхае, что кое-какие похождения Лайну приходилось скрывать. Но у Тарлинга в то время в Китае было слишком много дел, чтобы еще ломать себе голову по поводу глупых шалостей какого-нибудь туриста. Теперь же ему смутно вспомнилась одна скандальная история, связанная с именем Лайна, и он старался восстановить в памяти все подробности. Он отложил газету в сторону. Ему было жалко, что он не состоит на службе в Скотланд-Ярде. Это был бы для него чудесный случай. Здесь скрывалась тайна, способная в значительной степени приковать внимание общественности и вполне достойная, чтобы ее раскрыли!

Его мысли обратились к Одетте Райдер. Что сказала бы она по этому поводу? Конечно, она пришла бы в ужас от этого страшного преступления. Ему было очень неприятно, когда он думал о том, что ее могут поставить в связь со всей этой скандальной историей, хотя бы даже только косвенно и в отдаленной степени. По всей вероятности, газеты станут упоминать ее имя и могут сообщить о том, что у нее с убитым вышла ссора.

– Совершенно невозможно, – сказал он вполголоса, разговаривая сам с собой, и пожал плечами при этой мысли.

Он подошел к двери и позвал Линг-Чу. Китаец сейчас же молча вошел.

– Слушай, человек с белым лицом мертв.

Линг-Чу спокойно посмотрел на своего господина.

– Все люди умирают один раз, – сказал он спокойным голосом. – Этот человек умер скоро, это лучше, чем умирать долго.

Тарлинг пытливым взглядом посмотрел на него.

– Откуда ты знаешь, что он умер скоро?

– Об этих вещах говорят, – без малейшей запинки ответил Линг-Чу.

– Но ведь люди здесь не говорят по-китайски, – возразил Тарлинг, – а ты не говоришь по-английски.

– Я немного понимаю, господин, – ответил Линг-Чу, – и я слышал, как люди на улице говорили об этом.

– Линг-Чу, – сказал Тарлинг после некоторой паузы, – этот человек приехал в Шанхай, когда мы там были, и тогда произошел большой скандал. Однажды он был вышвырнут из чайного домика Линг-Фу, где он курил опиум. Из-за него вышло тогда еще одно волнение, – ты помнишь об этом?

Китаец посмотрел ему прямо в глаза:

– Я забыл об этом. Человек с белым лицом был дурной человек, и я рад тому, что он умер.

– Гм, – сказал Тарлинг и коротким кивком головы отпустил китайца.

Этот китаец был самым хитрым из всех его ищеек. Ему достаточно было указать след, и он неуклонно следовал по пятам каждого преступника; при этом он был одним из самых преданных и верных слуг Тарлинга. Но еще никогда сыщику не удавалось настолько понять мысли Линг-Чу, чтобы приподнять покрывало, которым китайцы окутывают свои собственные чувства и мысли. Даже китайские преступники удивлялись способностям Линг-Чу, и многим по дороге на плаху все еще не было ясно, как это Линг-Чу удалось раскрыть их преступление.

Тарлинг снова подошел к столу и взял газету в руки, но едва он начал читать, как раздался телефонный звонок. Он снял трубку и к своему великому изумлению услышал голос Кресвеля, главного полицейского инспектора, по совету которого он приехал в Англию.

– Не откажите в любезности немедленно заглянуть ко мне в дирекцию, я хотел бы поговорить с вами об этом убийстве.

– Через несколько минут я буду у вас, – ответил Тарлинг.

Когда он спустя несколько минут вошел в Скотланд-Ярд, его тотчас же провели в бюро Кресвеля. Седовласый джентльмен поднялся и с довольной улыбкой пошел ему навстречу.

– Я распоряжусь доверить вам раскрытие этого дела, Тарлинг, – сказал он. – С этим убийством связаны разные побочные обстоятельства, с которыми здешняя полиция справиться не может, и, в конце концов, ничего необыкновенного нет в том, что Скотланд-Ярд привлекает помощника со стороны, в особенности если дело идет о преступлении подобном этому. – Он открыл довольно тонкую папку. – Здесь находятся все служебные отчеты, которые вы можете прочесть. У Торнтон Лайна были, выражаясь мягко, немного эксцентричные наклонности. У него были разные подозрительные знакомства, в том числе с одним типичным преступником, который только на днях был выпущен из тюрьмы.

– Это очень интересно, – ответил Тарлинг, подняв брови. – Что он имел общего с этим человеком?

Кресвель пожал плечами:

– По моему мнению, он хотел только хвастать этим знакомством. Ему приятно было, когда об этом необыкновенном случае говорили. Это давало ему право на особенный интерес со стороны своих друзей.

– Кто этот преступник?

– Сэм Стэй – вор и громила, гораздо более опасный тип, чем это предполагают полицейские власти.

– Вы думаете, что он... – начал Тарлинг.

– Мы спокойно можем вычеркнуть его из списка людей, находящихся в подозрении, что они совершили это убийство. Сэм Стэй, правда, имел очень мало положительных качеств, но, без сомнения, он был очень предан Лайну. Когда сыщик, наводивший первые справки, пошел в Ламбет допрашивать его, то он нашел его растянувшимся на кровати и рядом с ним газету с отчетом об убийстве. Он был вне себя от горя и с дикими проклятиями вопил, что найдет

убийцу. Вы тоже можете разыскать его, но, полагаю, что едва ли вы много от него узнаете: он настолько возбужден, что говорит совершенно бессвязно. Лайн в его глазах был нечто большее, чем обыкновенный человек, и я могу себе представить, что единственным благородным побуждением во всей его жизни была привязанность к этому человеку, который был так хорош с ним. Можно оставить в стороне вопрос, является ли это правильным и рекомендуемым способом заботливости о других людях. Я хочу только сообщить вам несколько фактов, которые не получили публичной огласки.

Кресвель откинулся на спинку сиденья.

– Вы, должно быть, знаете, что грудь Лайна была обмотана шелковой ночной рубашкой?

Тарлинг кивнул.

– Но там же нашли два скомканных платка, которыми, по-видимому, пытались приостановить кровотечение. Судя по величине, это были дамские платочки. Значит, мы должны предположить, что в дело замешана женщина.

Тарлинг снова задумчиво кивнул.

– Еще один примечательный факт, который, по счастью, ускользнул от внимания тех, кто первым нашел тело и дал первые сведения газетным репортерам. Хотя он был вполне одет, его ноги обуты в толстые войлочные туфли. Мы установили, что он велел их доставить себе из магазина вчера вечером, и один из служащих принес ему туфли на дом. Ботинки Лайна были найдены в автомобиле, который стоял на некотором расстоянии от тела. В-четвертых, желаю сообщить вам, – и это главная причина, в силу которой я привлек вас к раскрытию данного случая, – что сюртук и жилет, забрызганные кровью, были найдены в его автомобиле. В правом жилетном кармане нашли вот это. – Кресвель медленно и с ударением произнес последние слова и, вынув из выдвижного ящика маленький квадратный кусок бумаги, передал ее сыщику.

Тарлинг взял бумажку в руки и с изумлением посмотрел на нее. Толстыми черными штрихами на ней стояли четыре китайские буквы: «Тцу Чао Фан Нао» – «Он сам себе этим обязан».

VI

Оба молча поглядели друг на друга.

– Ну? – наконец спросил Кресвель.

Тарлинг удивленно покачал головой:

– Это очень странно... – Он снова посмотрел на маленький кусочек бумаги, который держал в руке.

– Теперь вы понимаете, почему я привлек вас? Если дело имеет какое-нибудь отношение к Китаю, то никто не сумеет разобраться в этом лучше вас. Я дал перевести себе эту надпись. Она гласит: «Он сам себе этим обязан».

– Но вы, быть может, кое-чего не разглядели. Если вы внимательнее посмотрите на бумажку, то увидите, что эти слова не написаны, а напечатаны.

Он подал листок Кресвелю, и тот внимательно стал разглядывать его.

– Вы совершенно правы, – сказал он удивленно, – на это я совсем не обратил внимания. Разве вы уже раньше имели дело с подобными бумажками?

– Несколько лет тому назад, когда в Шанхае происходило большое количество преступлений. Большинство из них было совершено бандой, находившейся под руководством одного знаменитого преступника. Мне удалось схватить его, и он был казнен на основании моих показаний. Эта шайка преступников носила имя «Радостных сердец». Вам, вероятно, известно, что китайские разбойничьи шайки большей частью носят фантастические имена. У них был обычай оставлять на месте преступления свой знак, можно сказать, свою визитную карточку. Это всегда были такие красные бумажки, как и эта, только буквы были написаны от руки. Эти бумажки покупались потом в качестве курьезов, и были любители, платившие за них большую цену, пока один предприимчивый китаец не дал их напечатать, так что их можно было покупать, как открытки, в любом писчебумажном магазине Шанхая.

– Понимаю, – сказал Кресвель. – А это точно такая же бумажка?

– Да, но бог ее знает, как она попала сюда. Это, во всяком случае, довольно значительное открытие.

Кресвель подошел к шкафу, отпер его и вынул оттуда маленький чемоданчик, который он открыл на столе.

– Ну а посмотрите еще на это, Тарлинг.

Он показал ему забрызганную кровью рубашку. Тарлинг сейчас же увидел, что это ночная рубашка. Он взял ее в руки, внимательно разглядывая. На белой шелковой рубашке, за исключением двух маленьких веточек незабудки, не было никаких кружев или иных украшений.

– Она была, как вам известно, обмотана вокруг его груди. А вот и оба носовых платка. – Он указал на два маленьких носовых платочка, которые были настолько измазаны кровью, что их едва можно было опознать.

Тарлинг взял в руки тонкую рубашку и поднес ее ближе к свету.

– Была ли найдена метка прачечного заведения?

– Нет.

– И на платках тоже нет метки?

– Нет.

– Следовательно, эти вещи принадлежат молодой даме, которая живет одна. Она, правда, не обладает большими средствами, но у нее очень хороший вкус и она любит хорошее белье, однако не чересчур роскошное.

– Откуда вы все это знаете? – с изумлением спросил инспектор полиции.

Тарлинг рассмеялся:

– Исходя из того, что нет никаких меток прачечного заведения, можно заключить, что она свое шелковое белье моет дома, по-видимому также и платки. Отсюда я делаю дальнейшее заключение, что она не особенно избалована земными благами. Но так как она имеет шелковые ночные рубашки и платочки из тончайшего батиста, то мы, по-видимому, имеем дело с дамой, обладающей хорошим вкусом и разбирающейся в качестве вещей.

– Сделали ли вы еще другие открытия, из которых можно было бы сделать окончательные выводы?

– Мы только выяснили, что мистер Лайн имел серьезную ссору с одной из своих служащих, некоей мисс Одеттой Райдер. – Тарлинг глубоко вздохнул. Он сказал самому себе, что для сыщика не подходит настолько интересоваться дамой, с которой он успел поговорить всего полчаса и которую он за неделю до того совершенно не знал. Но, так или иначе, девушка произвела на него более глубокое впечатление, чем это ему казалось. У этого человека, чьей жизненной целью было раскрывать преступления и ловить преступников, оставалось слишком мало времени, чтобы интересоваться женщинами. Но встреча с Одеттой Райдер была для него откровением. – Случайно я знаю об этой истории и знаю даже ее причину. – Тарлинг вкратце рассказал инспектору, при каких обстоятельствах он видел Торнтон Лайна несколько дней тому назад. – Какие у вас улики против нее?

Он принял равнодушный вид, хотя в душе далеко не был равнодушен.

– У меня никаких определенных данных против нее нет, – ответил Кресвель. – Только Сэм Стэй тяжело обвиняет ее. И хотя он прямо не обвиняет ее в убийстве, но он намекнул, что в известном смысле она ответственна за это. Но он не мог сказать ничего более точного. Сперва я был очень удивлен, что он вообще знал об этой девушке, но теперь я готов предположить, что он пользовался доверием Торнтон Лайна.

– Какого вы мнения о Сэме Стэе? – спросил Тарлинг. – Он в состоянии доказать, где он провел последнюю ночь и сегодняшнее утро?

– Он показал, что в девять часов вечера зашел к мистеру Лайну на квартиру и тот в присутствии швейцара дал ему пять фунтов. Потом он оставил квартиру и пошел к себе домой в Ламбет, где он скоро лег спать. Все наши розыски до сих пор подтвердили его показания. Мы допросили швейцара Лайна, чьи показания сходятся с показаниями Стэя. В пять минут десятого Стэй ушел из квартиры Лайна, и ровно через полчаса Лайн сам вышел из дому. Он поехал один в своем маленьком двухместном автомобиле и сказал швейцару, что собирается поехать в клуб.

– Как он был одет?

– Да, это весьма важно. До девяти часов он был в вечернем туалете. После того, как Стэй ушел, он вдруг переоделся и надел ту одежду, в которой его нашли мертвым.

Тарлинг закусил губы.

– Следовало предположить, что он не сменил бы смокинг на сюртучную пару, если бы имел намерение отправиться в клуб.

Вскоре после этого разговора Тарлинг вышел из полицейского управления. Все эти новости немного смутили его. Первым делом он отправился на Эджвар-роуд, где проживала Одетта Райдер. Ее не было дома, и швейцар сказал ему, что она не приходила домой с послеобеденного времени предыдущего дня. Она поручила ему пересылать свои письма в Гертфорд и дала ему свой адрес: «Хиллингтон-гроув, Гертфорд».

Тарлинг стал беспокоиться. Хотя, как он сам уговаривал себя, этому не было никакой причины, но все-таки он, без сомнения, был озабочен. Он чувствовал, что мог бы после короткого разговора с молодой девушкой сейчас же очистить ее от подозрений, которые так или иначе падали на нее. Но ее не было дома. Того, что она исчезла как раз в тот вечер, когда Лайн был убит, было, насколько он знал, вполне достаточно, чтобы пустить полицию по ее следам.

– Быть может, вы можете мне сказать, имеет ли мисс Райдер родных или друзей в Гертфорде? – спросил он у швейцара.

– Да, сэр, там проживает ее мать.

Тарлинг уже собирался уходить, когда швейцар сделал еще одно замечание, которое снова выбило в его мозгу картину убийства со всеми его кошмарными подробностями и настроило его мысли на печальный лад.

– Я рад, что мисс Райдер прошлой ночью не было дома, – жильцы этажом выше очень жаловались.

– По поводу чего? – спросил Тарлинг.

Но швейцар раздумывал, ответить ли ему.

– Предполагаю, что вы друг молодой дамы?

Тарлинг кивнул.

– Из этого еще раз следует, – дружеским тоном сказал ему швейцар, – как часто людей обвиняют в разных вещах, с которыми у них нет ничего общего. Квартирант прилегающей квартиры – немного странный человек. Он музыкант и почти оглох. Если бы этого не было, он не стал бы утверждать, что он из-за нее вдруг проснулся посреди ночи. Наверно, на улице был какой-то шум.

– Что же он слышал? – быстро спросил Тарлинг.

Но швейцар рассмеялся в ответ.

– Подумайте только – выстрел!.. Кроме того, крик, похожий на женский. Тогда он проснулся. Можно было предположить, что ему это приснилось, но другой господин, также проживающий в полуэтаже, слышал то же самое. Самое удивительное то, что оба придерживаются одного и того же мнения, что шум был слышен из квартиры мисс Райдер.

– В какое время все это произошло?

– Эти люди утверждают, что дело было около полуночи, но ведь это совершенно невозможно, потому что мисс Райдер вовсе не было дома.

Тарлинг обдумывал эту совершенно неожиданную новость, сидя в вагоне по дороге в Гертфорд. Он твердо решил разыскать и предупредить Одетту, хотя ему было совершенно ясно, что в его обязанности не входило предупреждать кого-нибудь, кто был заподозрен в преступлении. Его поведение было необычайно и противоречило всем его привычкам, но это обстоятельство очень мало интересовало его.

Он только что купил билет и шел по платформе, как вдруг увидел одного знакомого, поспешно выходявшего из только что прибывшего поезда. Очевидно, тот уже раньше узнал его, так как сразу свернул в сторону и собирался исчезнуть в толпе, но сыщик вовремя нагнал его.

– Алло, мистер Милбург! Ведь это вы собственной персоной, если я не ошибаюсь.

Управляющий обернулся, потирая руки и улыбаясь как всегда.

– Представьте себе только, ведь это же мистер Тарлинг, известный сыщик! Какая ужасная новость! Какой ужас для всех, кого она затрагивает!

– Это ужасное событие, наверно, привело в возбуждение весь торговый дом.

– Ах да, – сказал Милбург упавшим голосом. – Сегодня наше дело закрыто. Это просто ужасно, это самый жуткий случай на моей памяти! Есть ли уже какие-нибудь подозрения о том, кто убийца?

Тарлинг покачал головой:

– Это весьма таинственная история, мистер Милбург. А Лайн заблаговременно распорядился, кто в случае его смерти должен продолжать руководить делом?

Милбург замялся и, по-видимому, с большой неохотой ответил:

– Конечно, я веду дело точно так же, как тогда, когда мистер Лайн совершал свое кругосветное путешествие. Я уже получил от адвокатов мистера Лайна доверенность на продолжение ведения дел до тех пор, пока суд не назначит опекуна.

Тарлинг пытливо посмотрел на него.

– Какое влияние имеет смерть Лайна на вашу личную судьбу? – резким тоном спросил он. – Ваше положение ухудшается или улучшается благодаря этому?

Милбург улыбнулся:

– К несчастью, оно улучшается, так как я получаю гораздо большие полномочия и, понятно, беру на себя еще большие обязанности. Я был бы рад, чтобы никогда не пришлось очутиться в подобном положении, мистер Тарлинг.

– В этом я вполне уверен, – ответил сыщик и вспомнил о подозрениях Лайна насчет честности этого человека.

Обменявшись еще парой общих фраз, оба расстались. По дороге в Гертфорд Тарлингу пришлось много думать об этом человеке. Милбург во многих отношениях был личностью ничтожной и ненадежной, и у него, наверно, не хватало качеств, необходимых для порядочного делового человека.

В Гертфорде Тарлинг сел в автомобиль и дал шоферу адрес.

– Хиллингтон-гроув? Это свыше двух миль отсюда, – заметил шофер. – Вы, вероятно, к мисс Райдер?

Тарлинг кивнул.

– Вы не приехали вместе с молодой дамой, которую тоже ожидают в гости?

– Нет, – удивленно ответил Тарлинг.

– Видите ли, мне было сказано осмотреться на вокзале, – объяснил шофер.

Но сыщика ожидала еще одна неожиданность. Несмотря на громкое имя, он представлял себе Хиллингтон-гроув маленьким домиком, где-нибудь в предместье, и был изумлен, когда шофер, завернув в высокие ворота парка, поехал по длинной широкой аллее и, наконец, остановился на усыпанной гравием площадке перед большим красивым зданием. Он не мог предположить, что родители приказчицы фирмы «Лайн» живут настолько по-барски. Он еще более изумился, когда двери раскрыл ливрейный лакей. Тарлинга провели в жилую комнату, убранную с художественным вкусом. Он был твердо убежден, что тут какая-то ошибка, когда открылись двери и вошла дама. Ей могло быть лет под сорок, но она была еще очень красива и имела поступь дамы общества. Она была чрезвычайно любезна с Тарлингом, но ему показалось, что он прочел некоторую боязливость и озабоченность в выражении ее лица и голоса.

– Боюсь, что я ошибся, – начал он. – Я, видите ли, хотел поговорить с мисс Одеттой Райдер.

Но, к его великому изумлению, дама кивнула:

– Это моя дочь. У вас есть какие-нибудь известия о ней? Я очень озабочена из-за нее.

– Вы озабочены из-за нее? – быстро спросил Тарлинг. – Разве что-нибудь случилось? Ее здесь нет?

– Нет, ее нет, она не приехала.

– Но не была ли она здесь уже раньше? Не прибыла ли она еще вчера вечером?

Миссис Райдер отрицательно покачала головой:

– Нет, ее здесь не было. Она обещала мне провести несколько дней у меня, но вчера вечером я получила телеграмму – обождите минуту, я сейчас принесу ее. – Она вышла на короткое время и вернулась с коричнево-желтым телеграммным листком в руках, который она подала сыщику. Тот прочел:

«Я не могу приехать, не пиши по моему адресу. Как только я достигну места назначения, я дам тебе знать. Одетта».

Телеграмма была подана на главной лондонской почте и, судя по штемпелю, была принята в девять часов вечера, – следовательно, за три часа до того, когда, по общему мнению, было совершено убийство!

VII

– Могу я оставить себе эту телеграмму? – спросил Тарлинг.

Дама кивнула в знак согласия.

Он видел, что она была в очень нервном и возбужденном состоянии.

– Я никак не могу понять, почему Одетта не приезжает. Быть может, вы знаете причину?

– Я, к сожалению, тоже не могу дать вам никакого объяснения. Но прошу вас, не беспокойтесь, миссис Райдер. Она, по всей вероятности, в последний момент изменила свое решение и остановилась у приятелей в городе.

– Разве вы не видели Одетты? – спросила боязливо миссис Райдер.

– Я уже несколько дней как не говорил с ней.

– Разве что-нибудь случилось? – Ее голос дрожал и она с трудом подавила рыдание. – Видите ли, я уже два или три дня не видела ни Одетты, ни еще кого бы то ни было, – быстро добавила она и при этих словах сделала слабую попытку улыбнуться.

Кого еще она могла ожидать? И почему она сделала именно эту паузу в разговоре? Возможно ли, что она ничего не слыхала об убийстве Лайна? Он решил установить все факты.

– Весьма возможно, что ваша дочь задержалась в городе вследствие смерти мистера Лайна, – сказал он, внимательно наблюдая за ней.

Она неподвижно уставилась на него и побледнела.

– Мистер Лайн умер? – пробормотала она. – Разве этот молодой человек так рано должен был умереть?

– Его вчера утром убили в Гайд-парке.

Миссис Райдер зашаталась и бессильно опустилась на стул.

– Убит! Убит! – прошептала она. – О боже, только не это! Только не это!

Ее лицо посерело. Она дрожала всем телом, эта статная женщина, которая незадолго до того вошла в комнату с такой важной осанкой. Вдруг она закрыла лицо руками и начала тихо плакать.

– Вы знали мистера Лайна лично? – спросил он через некоторое время.

Она отрицательно покачала головой.

– А слыхали ли вы что-нибудь о мистере Лайне?

Она подняла голову.

– Нет, – спокойно сказала она. – Только то, что он был человеком неприятным в обращении.

– Простите, но вы, кажется, очень заинтересованы? – Он замялся, когда она подняла голову и посмотрела на него.

Он не знал, как ему закончить этот вопрос. Он был изумлен, что дочь этой женщины, которая жила, по-видимому, в блестящих материальных условиях, работала в торговом доме на мелкой должности. Ему хотелось также узнать, знала ли она об увольнении Одетты и доставляет ли ей это заботу? Беседа с Одеттой Райдер не дала ему того убеждения, что она могла бы пренебречь должностью. Напротив, она говорила о том, что собирается искать новую должность, и все это вовсе не говорило о том, что ее мать живет в хороших условиях.

– Разве ваша дочь вынуждена зарабатывать себе на жизнь? – неожиданно спросил он.

Она опустила глаза.

– Это ее собственное желание, – тихо ответила она. – Она дома не уживается с людьми, – порывисто добавила она.

Последовало краткое молчание. Потом он поднялся и подал ей на прощание руку.

– Я надеюсь, что не слишком потревожил вас своими расспросами. Вы, вероятно, удивитесь, почему я вообще приехал сюда. Хочу вам совершенно откровенно сказать, что мне поручено

чено раскрыть это убийство и я надеялся узнать от вашей дочери, а также и от других людей, имевших отношение к мистеру Лайну, что-нибудь, что могло бы дать мне какой-нибудь ключ к дальнейшим, более важным открытиям.

– Так, значит, вы сыщик? – спросила она. И он был готов поклясться, что прочел страх в ее взгляде.

– Сыщик особого рода, – сказал он, улыбаясь, – но не из Скотланд-Ярда, миссис Райдер.

Она проводила его до дверей и поглядела ему вслед, когда он пошел вниз по аллее. Потом она медленно вернулась в дом, прислонилась к мраморному камину, закрыла лицо руками и горько расплакалась.

Тарлинг покинул Гертфорд еще более расстроенный, чем был по дороге туда. Он велел шоферу ждать его с машиной у ворот. Он решил расспросить шофера и узнал, таким образом, что миссис Райдер уже четыре года проживает в Гертфорде и пользуется большим уважением. Он осведомился также об Одетте.

– О да, молодую даму я часто видал, но в последнее время она реже приезжает сюда. Судя по всему, что приходится слышать, она, по-видимому, плохо ладит с отцом.

– С ее отцом? Я совсем не знал, что у нее есть еще отец, – удивленно ответил Тарлинг.

– Да, отец еще жив. Он регулярно приезжает в гости, обычно он прибывал последним поездом из Лондона, и на станции его ожидал собственный автомобиль. – Шофер никогда еще не видал его, но рассказывал, что те немногие люди, которые приходили с ним в соприкосновение, говорили, что он очень обходительный человек, хорошо известный в Сити.

Тарлинг телеграфировал своему помощнику, которого Скотланд-Ярд предоставил в его распоряжение, и полицейский инспектор Уайтсайд уже ожидал его на станции.

– У вас есть какие-нибудь новости? – спросил Тарлинг.

– О да, мы нашли кое-что очень важное, – ответил полицейский. – У станции нас ожидает служебный автомобиль, и мы можем поговорить по дороге в полицию.

– В чем же дело?

– Мы получили сведения от швейцара мистера Лайна. Похоже на то, что он по поручению главной полиции перерыл всю корреспонденцию мистера Лайна, причем нашел в углу письменного стола телеграмму. Когда мы прибудем, я покажу вам ее. Она очень важна для выяснения всей этой истории и, полагаю, наведет вас на след настоящего убийцы.

При слове «телеграмма» Тарлинг автоматически почувствовал в своем кармане телеграмму, которую миссис Райдер получила от своей дочери. Он вынул ее из кармана и снова прочел.

– Но ведь это изумительно, – сказал инспектор Уайтсайд, который тоже бегло просмотрел телеграмму.

– Что вы хотите сказать? – с удивлением спросил Тарлинг.

– Я видел подпись «Одетта».

– Разве это имя включает в себе что-нибудь необыкновенное?

– Это странное совпадение. Телеграмма, найденная на столе мистера Лайна и приглашавшая его в определенную квартиру на Эджвар-роуд, была тоже подписана именем «Одетта».

Он наклонился вперед и посмотрел на телеграмму, которую изумленный Тарлинг все еще держал в руке.

– И взгляните еще раз, – сказал он с торжествующим видом, – она была подана как раз в то же самое время, именно в девять часов вечера!

После того как они прибыли в Скотланд-Ярд, обе телеграммы были проверены, и оказалось, что Уайтсайд не ошибся. Немедленно был послан курьер на главный почтамт, и через два часа были получены оригиналы телеграмм. Обе телеграммы были написаны одним и тем же почерком. Первая была адресована матери Одетты и говорила о том, что она не может

приехать. Вторая телеграмма, отправленная Лайну, имела следующий текст: «Согласны ли вы сегодня вечером в одиннадцать часов посетить меня на дому? Одетта Райдер».

Тарлинг потерял мужество. Этот новый, неожиданный факт вывел его из состояния равновесия. Он снова уговаривал себя, что невозможно, чтобы эта девушка могла убить Лайна. Но если она все-таки совершила убийство? Где это случилось? Может быть, она села в его автомобиль и застрелила во время поездки кругом по Гайд-парку? Но зачем он надел толстые войлочные туфли, и на нем не было сюртука? И как вышло, что эта шелковая ночная рубашка была обмотана вокруг его груди?

Его мысли были поглощены всеми допустимыми возможностями, но чем больше он углублялся в это дело, тем большей загадкой оно становилось для него.

Совершенно разбитый, он в тот же вечер пошел в главную полицию и выхлопотал приказ об обыске в квартире Одетты.

Потом он отправился, в сопровождении Уайтсайда, к ней на квартиру на Эджвар-роуд, предъявил свои полномочия и получил от швейцара ключ от квартиры.

В мозгу Тарлинга вспыхнуло воспоминание о визите, который он сделал Одетте. Он чувствовал себя очень скверно, и его охватило чувство жалости к девушке в тот момент, когда он, отперев дверь, вошел в маленькую переднюю и зажег электричество.

Здесь не было заметно ничего особенного. Ему только ударил в нос затхлый воздух, который бывает всегда, когда квартира не проветривалась несколько дней подряд.

Но когда они пробыли в помещении короткое время, они услышали еще один запах, напоминавший запах жженого кордита.

Они вошли в маленькое жилое помещение. Здесь все было очень чисто, и каждая вещь находилась на своем месте.

– Но это, однако, очень странно, – сказал Уайтсайд, указывая на соседний столик.

Тарлинг посмотрел туда и увидел цветочную вазу, наполовину наполненную желтыми нарциссами. Два или три цветка выпали или же были вынуты и лежали, сморщенные и засохшие, на полированном столике.

Тарлинг молча обернулся, снова пошел в переднюю и открыл другую дверь, которая была только притворена, и зажег электричество. Он находился в спальне молодой девушки и на мгновение неподвижно застыл на месте, когда оглядывал помещение. Комод был в полном беспорядке. Все ящики были выдвинуты, одежда и предметы туалета лежали разбросанные по полу. Все свидетельствовало о быстром и поспешном разгроме. Потом они оба нашли на кровати маленький ручной чемоданчик, который был брошен упакованным наполовину.

Тарлинг вошел в середину помещения, и, даже будь он полуслепым, он не мог бы пройти мимо тяжелой улики: на ковре песочного цвета, покрывавшем полкомнаты, у камина было видно большое темно-красное, неправильной формы пятно.

Лицо Тарлинга стало мрачным.

– На этом месте был застрелен Лайн, – сказал он.

– Посмотрите-ка сюда! – крикнул взволнованный Уайтсайд, указывая на один из ящиков комода.

Тарлинг быстро вытащил рубашку, свисавшую через край ящика. Это была шелковая ночная рубашка, и на ее рукавах были вытканы веточки незабудки. Рубашка была похожа на ту, которою была обмотана грудь Лайна в тот момент, когда нашли его мертвым.

Когда рубашка была вынута из ящика, открылось еще одно новое обстоятельство. На белой эмалированной наружной стороне ящика они увидели кровавый отпечаток большого пальца!

Тарлинг посмотрел на своего ассистента. Его лицо приняло твердое и непроницаемое выражение.

– Уайтсайд, – спокойно сказал он, – прикажите заготовить приказ об аресте Одетты Райдер ввиду тяжкого подозрения в совершении преднамеренного убийства. Телеграфируйте во все полицейские учреждения приказ задержать эту девушку и сообщите мне, как успешно идет дело.

И, не говоря больше ни слова, он покинул квартиру Одетты и вернулся к себе домой.

VIII

Сэм Стэй находился в Лондоне. Полиция знала, где он проживает, и день и ночь он находился под неусыпным надзором. Для него не было ничего нового в том, что за ним по пятам следил с якобы невинным видом сыщик, но впервые за всю его жизнь это его нисколько не беспокоило.

Смерть Торнтон Лайна была для него самым тяжким ударом судьбы, который приключался с ним когда-либо. Даже если бы его посадили за решетку, это было бы ему совершенно безразлично, потому что этот неисправимый преступник с продолговатым меланхолическим лицом, изборожденным морщинами, придававшими ему старческий вид, безгранично любил Торнтон Лайна. Лайн был для него божественным явлением со сверхчеловеческими свойствами и способностями, о которых кроме него никто ничего не знал. В глазах Сэма Лайн не был в состоянии поступать несправедливо, он был для него олицетворением всего хорошего и прекрасного, всего высокого и благородного.

Торнтон Лайн умер! Никогда он больше не вернется к жизни! Умер! На каждом шагу отдавалось гулкое эхо этого страшного слова. Сэм Стэй совершенно отупел. Все его прочие заботы и огорчения умолкли перед этим большим страшным горем.

А кто был во всем виноват? Благодаря чьему предательству так скоро и ужасно окончилась жизнь этого чудного человека? При этой мысли он яростно скрежетал зубами. Не кто иной, как Одетта Райдер. Это имя стояло перед ним, начертанное огненными буквами. Он старался восстановить в памяти все оскорбления, которые она нанесла его благодетелю. Он вспоминал каждое слово из продолжительного разговора с Лайном в день своего выхода из тюрьмы. Он вспомнил все планы, которые они тогда вместе выработали. Ведь не мог же он знать, что его обожаемый герой сказал ему неправду, а в своем гневе и оскорбленном тщеславии попросту выдумал разные обвинения и оскорбления, которые он вынес от Одетты Райдер, что на самом деле никогда не происходило в действительности. Стэй знал только, что Торнтон Лайн ненавидел эту девушку и, с его точки зрения, эта ненависть заслуживала полного оправдания. Она одна была виновна в смерти этого великого человека.

Он бесцельно направился в западную часть города, совершенно не интересуясь полицейским, который следил за ним. Когда он дошел до конца Пикадилли, он вдруг почувствовал, что кто-то вежливо взял его за руку. Он обернулся с кислым видом и узнал одного старого знакомого.

– Вам нечего бояться, – сказал сыщик, смеясь. – За вами ничего не числится. Я хотел бы только задать вам пару вопросов.

– Полиция и так достаточно допрашивала меня день и ночь после того, как случилось самое ужасное.

Он все-таки дал успокоить себя и уселся вместе со своим спутником на одиноко стоявшей скамейке в парке.

– Скажу вам совершенно откровенно, Сэм, мы не только ничего против вас не имеем, но даже убеждены, что вы нам можете много помочь. Вы очень хорошо знали мистера Лайна, он по отношению к вам всегда был благожелателен и любезен.

– Да прекратите же! – дико крикнул Сэм. – Я не хочу больше говорить об этом. Я не смею больше думать об этом. Послушайте, неужели вам это непонятно? Самый великий человек, который жил когда-либо на свете, был мистер Лайн! Ах, боже, боже! – Он стал причитать, и, к величайшему изумлению полицейского, этот жестокий преступник закрыл лицо руками и зарыдал.

– Я вполне понимаю ваше горе, Сэм. Я знаю, что он был к вам очень хорош. Разве у него не было врагов? Может быть, он говорил с вами об этом и доверил вам то, чего он не доверял никому из своих друзей?

Сэм недоверчиво посмотрел на него своими красными заплаканными глазами.

– А для меня потом не скрутят веревку, если я сейчас расскажу вам кое-что?

– Ни в коем случае, Сэм, – быстро ответил полицейский. – Будьте добрым парнем и помогите нам, насколько это в ваших силах. Быть может, мы тоже когда-нибудь посмотрим сквозь пальцы, если вы опять что-нибудь натворите. Ведь вы же понимаете, что нам нужно? Не знаете ли вы кого-нибудь, кто был с ним во враждебных отношениях и ненавидел его?

Сэм кивнул.

– Это была женщина? – спросил сыщик с равнодушным видом.

– Да, это была она! – изрыгая проклятия, воскликнул Сэм. – Черт побери, это была она. Мистер Лайн так хорошо обращался с ней, ведь она совершенно опустилась. Он поднял ее из грязи полуголодную и дал ей хорошую должность, а она отблагодарила его тем, что стала обвинять его, оклеветала самым подлейшим образом!

Гнев и ярость Сэма изливались на девушку потоком диких проклятий и ругательств, каких сыщик еще никогда не слышал своими ушами.

– Этакая подлая тварь была она, Слэд, – продолжал он. Он называл чиновника только по имени, как это принято у старых преступников. – Она вообще не должна жить.

Его голос оборвался, и он снова зарыдал.

– Не хотите ли вы назвать мне ее имени?

Сэм снова посмотрел на него недоверчиво:

– Послушайте-ка, Слэд, предоставьте мне иметь дело с ней, она от меня получит свою порцию, будьте спокойны!

– Но послушайте, Сэм, это приведет вас только к новым осложнениям. Можете спокойно сказать нам ее имя. Не начинается ли оно на букву «Р»?

– Откуда мне знать это? Я не могу больше скандировать буквы. Ее звали Одеттой.

– Райдер?

– Да, так зовут ее. Она раньше была кассиршей в торговом доме Лайна.

– Итак, успокойтесь наконец и расскажите нам разумно, по порядку, что Лайн рассказывал вам о ней.

Сэм Стэй неподвижно поглядел на него, и вдруг в его глазах вспыхнул лукавый огонек.

– Если это была она! – сказал он, тяжело дыша. – Если бы только я мог наказать ее за это!

Не было ничего лучшего для исправления настроения этого человека, как дать возможность полиции схватить Одетту Райдер. Ведь это же замечательная мысль! Он снова с загадочной улыбкой посмотрел на сыщика.

– Я помогу вам, – сказал он наконец. – Но я скажу это кому-нибудь из высших чиновников, но не вам.

– Все в порядке, Сэм, – ответил любезно сыщик. – Вы можете сообщить об этом мистеру Тарлингу или мистеру Уайтсайду. Эти гораздо больше в курсе дела.

Чиновник взял автомобиль, и оба поехали, но не в Скотланд-Ярд, а в маленькое бюро Тарлинга на Бонд-стрит. Тарлинг вместе с Уайтсайдом ожидал здесь возвращения сыщика, которого он послал за Сэмом Стэем. Сэм медленно вошел в комнату, подавленно посмотрел на одного, на другого и отказался сесть на предложенный ему стул. У него болела голова. Мысли перемешались в его мозгу. Еще никогда в жизни он не чувствовал себя так плохо. В его ушах стоял странный шум и жужжание, так что он очнулся только тогда, когда почувствовал на себе ясный пронизывающий взгляд Тарлинга. Он не мог вспомнить, где он видел раньше этого человека.

– Ну, Стэй, – начал Уайтсайд, который хорошо знал преступника с прежних времен. – Мы охотно услышали бы от вас, что вы знаете про это убийство.

Стэй плотно сжал губы и ничего не ответил.

– Да садитесь же, – любезно сказал Тарлинг, и на сей раз Сэм послушался. – Ну, мой милый, я узнал, что вы были другом мистера Лайна.

Когда нужно было уговорить кого-нибудь, то Тарлинг мог говорить так мягко и любезно, что, глядя на него, трудно было бы этому поверить.

Сэм кивнул.

– Он всегда был к вам очень хорош, не правда ли?

– Вы говорите, только хорош?

Сэм тяжело и глубоко вздохнул.

– Я бы отдал за него последнюю каплю крови, чтобы только уберечь его от горя. Я бы все сделал для него. Провались я на месте, если я вру! Это был ангел в образе человека. Боже мой, если я когда-нибудь доберусь до этой девушки, то я сверну ей шею! Я выпущу из нее дух! Я не успокоюсь раньше, чем разорву ее на куски! – Его голос все повышался. На губах показалась пена и все лицо было искажено бешенством. – Она обкрадывала его годы подряд! А он заботился о ней, охранял ее, а она оболгала, оклеветала его и завлекла в западню!

Он визгливо вскрикнул и поднялся, как бы собираясь подойти к письменному столу. Он настолько крепко сжал кулаки, что пальцы судорожно сплелись и кисти рук побелели. Тарлинг подскочил, зная, что означают эти симптомы. Но прежде чем он успел выговорить слово, Стэй вздрогнул и рухнул на пол как подкошенный.

Тарлинг сейчас же подбежал к бесчувственному Сэму и положил его на спину. Он поднял одно веко и стал наблюдать за глазным яблоком.

– Припадок падучей или еще нечто более худшее, – сказал он. – Это было слишком много для бедняги. Уайтсайд, вызовите больничную карету!

– Не дать ли мне ему немного воды?

– Нет, не надо. Пройдет несколько часов, пока он очнется, если он вообще переживет этот припадок. Если Сэм Стэй имеет какие-нибудь улики против Одетты Райдер, то, очень может быть, что он унесет их с собой в могилу.

В глубине души Тарлинг почувствовал известное удовлетворение по поводу того, что уста этого человека больше не в состоянии были обвинять.

IX

Где была Одетта Райдер? Этот вопрос, во всяком случае, должен был быть выяснен. Она пропала, как будто земля разверзлась и поглотила ее. Все полицейские посты во всей Англии искали ее. За всеми судами, выходящими в море из английских гаваней, следили. Во всех местах, где ее можно было бы найти, производились секретные расследования. За домом ее матери в Гертфорде следили беспрерывно день и ночь.

Тарлинг добился того, что показ тела убитого отложили на день. Каковы бы ни были его чувства к Одетте Райдер, он был человеком надежным и прежде всего желал выполнить свой долг по отношению к государству. Прежде всего, нужно было добиться, чтобы какой-нибудь любопытный судья не слишком заинтересовался этим делом и всеми побочными обстоятельствами, приведшими к смерти Торнтон Лайна, раньше, чем следствие не сделало дальнейших успехов. При настоящем положении вещей преступник благодаря огласке всей истории мог бы только быть предупрежденным.

В сопровождении инспектора Уайтсайда он снова основательно обыскал квартиру Одетты, которая, судя по большому кровавому пятну на ковре, без сомнения была местом совершения убийства. Кровавый отпечаток большого пальца на белом комодике был сфотографирован, и предполагалось сравнить его с отпечатком большого пальца Одетты Райдер, как только ее удастся захватить.

Дом Керримора, где проживала Одетта Райдер, был огромный дом с большим количеством барских квартир. В первом этаже были магазины. Парадные двери, ведущие в квартиры, были расположены равномерно между каждыми двумя витринами. К несколько приподнятым подвальным помещениям также вели лестницы. Здесь находилось шесть квартир, окна которых выходили на узкий двор. Середину этого подвального помещения занимало большое бетонированное складское помещение. Вокруг него видны были маленькие квадратные помещения, в которых жильцы могли складывать мебель и разные другие ненужные вещи. Тарлинг установил, что из подвального коридора можно было попасть в это складское помещение и отсюда через маленькую складскую дверь на задний двор. Довольно большие ворота открывали доступ с улицы. Это было устроено, чтобы обитатели дома могли получать, удобным для себя образом, уголь, топливо и прочие необходимые для хозяйства запасы. Со стороны маленькой улочки, проходившей позади дома, находилось около дюжины конюшен, которые одно общество, владевшее наемными автомобилями, арендовало под гаражи.

Если убийство было совершено в квартире, то тело можно было таким путем вынести на заднюю улицу. Здесь стоявший в ожидании автомобиль не привлек бы к себе ничего внимания. Тарлинг расспросил служащих автомобильной фирмы, которые проживали в помещениях над гаражами, и мог установить, что кое-кто из них видел автомобиль в ту ночь. На этот факт при первом полицейском дознании не было обращено никакого внимания.

Двухместный автомобиль Лайна имел ярко-желтую окраску, и его трудно было бы спутать с другим автомобилем. Его нашли брошенным поблизости от трупа. В ночь убийства между десятью и одиннадцатью часами его видели здесь. Но, хотя Тарлинг делал чрезвычайные усилия и допросил многих людей, никто не мог сказать, что видел Лайна лично, и никто не наблюдал, как автомобиль приехал или как он уехал.

Был допрошен швейцар, который дал односложный ответ, что между десятью и половиной одиннадцатого никто не вошел через парадную дверь. Между половиной и тремя четвертями одиннадцатого кто-нибудь мог и прийти, потому что как раз в это время он вошел в швейцарскую, чтобы переодеться, раньше чем пойти домой. Швейцарская находилась под лестницей, так что он оттуда никого не мог видеть.

Он обычно запирает парадную дверь в одиннадцать часов. Что случилось позднее, он, понятно, не мог видеть. Он, впрочем, сказал, что в тот вечер он ушел, может быть, незадолго до одиннадцати, хотя точно не мог сказать этого.

– Его показания очень мало могут помочь нам, – заметил Уайтсайд. – Как раз в то время, когда убийца мог войти в дом, именно между половиной и тремя четвертями одиннадцатого, он не был на своем посту.

Тарлинг кивнул в знак согласия. Он предпринял точное обследование всех погребов, всех проходов заднего двора, но нигде не нашел кровавых следов. Он и не ожидал их найти, так как было совершенно ясно, что шелковая рубашка не давала просачиваться крови при транспортировании тела.

– Но одно, по моему мнению, установлено: Одетта Райдер должна была иметь помощника, в случае, если она совершила убийство. Совершенно невозможно, чтобы она могла вынести или вытащить на улицу этого сравнительно тяжелого человека. Она также не могла бы сама вытащить его в автомобиль, а потом вынести и положить на траву.

– Я все еще не понимаю, что, собственно говоря, должны означать желтые нарциссы на его груди и, если он был убит здесь, почему же она потрудилась положить ему цветы на грудь?

Тарлинг покачал головой. Он был ближе к разрешению этой загадки, чем кто-нибудь представлял себе.

После того как они обыскали квартиру, они вместе поехали в Гайд-парк, и Уайтсайд указал ему на место находки трупа, недалеко от дороги. Он объяснил ему также положение, в котором бы найден труп. Тарлинг осмотрелся и внезапно испустил подавленный крик.

– Ведь это же удивительно! Мне кажется, что при этом убийстве мы находим одни желтые нарциссы!

Тарлинг направился к большой цветочной клумбе, сплошь покрытой желтыми нарциссами, чьи нежные чашечки колыхались, колеблемые легким весенним ветерком.

– Гм, – сказал Тарлинг. – Знаете ли вы толк в желтых нарциссах? Знакомы ли вам все их разновидности, Уайтсайд?

Уайтсайд, смеясь, покачал головой:

– Для меня все нарциссы одинаковы. Разве есть вообще разница?

Тарлинг утвердительно кивнул.

– Этот сорт называется «золотыми шпорами», – объяснил он. – Этот сорт часто встречается в Англии. Цветы в квартире мисс Райдер называются «императорскими нарциссами».

– Ну, какой вы из этого делаете вывод?

– На груди Лайна были найдены нарциссы «золотые шпоры».

Он опустился на колени рядом с клумбой, раздвинул стебли и внимательно стал осматривать растения.

– Посмотрите-ка сюда! – Он указал на несколько сорванных стеблей. – Здесь были сорваны нарциссы. Готов принять присягу. И они все сорваны в один прием.

Уайтсайд с сомнением посмотрел на него:

– Цветы могли сорвать и уличные мальчишки.

– Те, кто крадет цветы, срывают по отдельному цветочку. Большинство людей, которые делают подобные вещи, тщательно избегают срывать цветы на одном и том же месте, чтобы не обратить на себя внимание садовых сторожей.

– Значит, вы предполагаете...

– Я предполагаю, что убийца, – будь это мужчина или женщина, – в силу какой-нибудь причины, которой мы еще пока не знаем, украсил тело цветами. И взяты цветы с этой клумбы.

– А не из квартиры Одетты Райдер?

– Нет, – задумчиво ответил Тарлинг. – Мне это уже было ясно, когда вы показали мне цветы в Скотланд-Ярде.

Уайтсайд провел рукой по лбу.

– Чем дальше мы продвигаемся при выяснении этого случая, тем загадочней становится для меня все это дело. Итак, мы здесь имеем дело с богатым человеком, который, очевидно, не имел смертельных врагов. Его в одно прекрасное утро находят в Гайд-парке. Его грудь обернута дамской ночной сорочкой. На нем войлочные туфли. В кармане находят бумажку с китайской надписью. И в довершение всего ему на грудь положили букет желтых нарциссов. Такую вещь могла сделать только женщина, – внезапно добавил он.

Тарлинг посмотрел на него большими глазами.

– Почему вы так думаете?

– Только женщина могла украсить мертвого цветами, – спокойно ответил Уайтсайд. – Желтые нарциссы говорят о сочувствии и сострадании, быть может, о раскаянии.

Тарлинг почти незаметно усмехнулся:

– Мой милый Уайтсайд, вы становитесь сентиментальным. – Он оглянулся. – Посмотрите-ка, словно притягиваемый этим местом, снова показывается джентльмен, которого я повсюду обязательно встречаю – мистер Милбург.

Увидев обоих сыщиков, тот вдруг остановился. По его лицу видно было, что он охотнее всего бы исчез. Но Тарлинг заметил его, и он, какой-то особенной скользкой походкой, подошел поближе. Хотя он старался скрывать свое смущение, прикрываясь улыбкой, но Тарлинг сейчас же заметил боязливый неуверенный взгляд, который он уже раз наблюдал у Милбурга.

– Доброго утра, господа, – сказал Милбург и поклонился обоим, сняв шляпу. – По-видимому, еще ничего нового не найдено?

– Во всяком случае, я не ожидал встретить вас здесь сегодня утром! – с насмешливой улыбкой ответил Тарлинг. – Я полагал, что у вас достаточно работы в фирме.

Милбург почувствовал себя не в своей тарелке.

– Это место имеет известную притягательную силу для меня, – хрипло сказал он. – Меня то и дело охватывает искушение приходить сюда. – Он опустил глаза под пытливым взглядом Тарлинга.

– Есть ли у вас что-нибудь новое об убийстве?

– Это я хотел бы спросить у вас.

Милбург нервно посмотрел на него.

– Не думаете ли вы о мисс Райдер? – спросил он.

– Нет, сэр, не нашлось ничего такого, что свидетельствовало бы против нее, но я не могу установить, где она сейчас находится, несмотря на все мои усилия. И это меня волнует.

Тарлинг заметил перемену в его поведении. Он хорошо помнил, что Милбург сперва категорически отрицал перед Лайном виновность Одетты в краже, но теперь он был почему-то враждебно настроен к ней. Звук его голоса дал многое понять Тарлингу.

– Вы полагаете, что мисс Райдер имела основание бежать?

– В этом мире, – сказал он елейным голосом, – чаще всего ошибаешься в тех, к кому относишься с наибольшим доверием.

– Вы, следовательно, желаете сказать этим, что подозреваете мисс Райдер в том, что она обокрала фирму?

Но Милбург сейчас же протестующе замахал своими большими руками.

– Нет, этого я не собираюсь утверждать. Я не желал бы обвинять молодую даму в том, что она подобным образом обкрадывала своего шефа, и я категорически отказываюсь выдвигать какие-либо обвинения до того, как ревизоры торговых книг не закончили своей работы. Без всякого сомнения, – добавил он, – у мисс Райдер на руках бывали большие суммы денег, и она, скорее чем какая-либо другая из служащих кассы, была в состоянии совершать растраты, без того, чтобы я или мистер Лайн это могли сейчас же заметить. Но это я сообщаю вам только по секрету.

– Имеете ли вы понятие, где она может быть?

Милбург отрицательно покачал головой.

– Единственно, что я... – Он замялся и неуверенно посмотрел на Тарлинга.

– Ну, что вы хотите сказать? – нетерпеливо спросил сыщик.

– Это, во всяком случае, только мое предположение, что она, может быть, покинула страну. Я ни в коем случае не собираюсь утверждать этого, но она очень хорошо говорит по-французски и уже прежде бывала на континенте.

Тарлинг задумчиво посмотрел на него.

– Ну, в таком случае я должен поискать на континенте, потому что я твердо решил найти мисс Райдер!

Он кивнул своему ассистенту и быстро повернулся. Мистер Милбург, смущенный, поглядел ему вслед.

Х

Тарлинг после обеда пришел домой в подавленном настроении. Этот случай задал ему так много новых загадок, что он в тот момент не мог разобраться в них. Линг-Чу, еще по прежним временам, знал подобные депрессии за своим господином. Но на этот раз он заметил в его поведении нечто новое. Он выглядел совершенно излишне возбужденным, и Линг-Чу показалось, что он подметил у Тарлинга какую-то боязливость, которая до сих пор была абсолютно чужда этому охотнику на людей. Китаец молча приготовил своему господину чай, остерегаясь упоминать что-либо об этой истории или о подробностях следствия.

Он придвинул столик к краю постели и уже собирался бесшумно, как кошка, исчезнуть из комнаты, когда Тарлинг удержал его.

– Линг-Чу, – сказал он на китайском наречии, – ты ведь помнишь, что «Радостные сердца» в Шанхае всегда оставляли свой «хонг» на месте совершения преступления.

– Да, господин, я помню это очень хорошо. На бумажке стояли определенные слова. Впоследствии их можно было покупать в лавках, потому что люди хотели иметь эти удивительные бумажки, чтобы показывать их своим друзьям.

– Многие люди имели при себе тогда эти бумажки, – медленно ответил Тарлинг, – и бумажка со знаками «Радостных сердец» была также найдена в кармане убитого.

Линг-Чу посмотрел на него совершенно спокойно.

– Господин, – сказал он, – разве человек с белым лицом, который сейчас мертв, не мог привезти такие штуки из Шанхая? Он ведь был туристом. И такие люди всегда собирают разные сумасбродные сувениры.

Тарлинг кивнул.

– Это было бы вполне возможно. Я уже подумал об этом. Но почему же как раз в ту ночь, когда он был убит, он имел эту бумажку в кармане?

– Господин, – спросил китаец, – почему же он вообще был убит?

Тарлинг должен был улыбнуться этому обратному вопросу своего слуги.

– Ты хочешь сказать этим, что на один вопрос так же трудно ответить, как на другой?

– Ну хорошо.

Линг-Чу покинул комнату. Тарлинг в данный момент был не слишком озабочен разрешением этого вопроса. Теперь прежде всего надо было разыскать местопребывание Одетты Райдер. Он все время обдумывал эту проблему. Он был смущен теми странными фактами, которые установил. Почему же Одетта Райдер приняла такую мелкую должность в фирме Лайна, в то время как ее мать вела в Гертфорде роскошный образ жизни? Кто ее отец, этот таинственный человек, который появлялся в Гертфорде и снова исчезал? Какую роль мог он играть в этом преступлении? А если она была невинна, то почему же так бесследно исчезла, при обстоятельствах, которые могли навлечь на нее всяческие подозрения? Что мог Сэм Стэй на самом деле знать об убийстве? Было совершенно ясно, что он ненавидел Одетту Райдер. Когда Тарлинг только упомянул имя Одетты, то могло казаться, что в душе Сэма Стэя забил пенящийся фонтан ядовитых брызг. Но Сэм не дал никаких разумных связных показаний. Все его разглагольствования свидетельствовали о его беспредельной злобе к девушке и безграничном почтении к покойнику.

Он беспокойно повернулся на другую сторону и только что собрался взять в руку чашку чая, как снаружи послышались тихие шаги и Линг-Чу проскользнул в комнату... «Сияющий человек снова пришел», – сказал он. Так он называл Уайтсайда, который всегда вносил в комнату свежий, живой дух, что побудило Линг-Чу дать ему такое прозвище.

– Мистер Тарлинг, – начал полицейский инспектор и вынул из кармана маленькую записную книжку, – мне, к сожалению, многого не удалось узнать о месте пребывания мисс Райдер.

Я был на станции Чаринг-Кросс и наводил справки у билетной кассы. За последние два дня несколько молодых дам без сопровождения уехали на континент.

– Ни одна из примет не подходит к мисс Райдер? – разочарованно спросил Тарлинг.

Сыщик отрицательно покачал головой.

Но, несмотря на незначительный успех его розысков, он, по-видимому, сделал важное открытие, так как имел самоуверенный вид.

– Вы что-нибудь нашли? – быстро спросил Тарлинг.

– Да, благодаря чистой случайности мне удалось узнать интересную историю. Я беседовал с некоторыми билетными контролерами, не видел ли кто-нибудь из них этой девушки. Я, видите ли, нашел ее фотографию, увеличенный портрет, взятый из фотографии группы служащих торгового дома. Она весьма пригодилась мне при моих розысках.

– В то время как я беседовал с одним из людей у барьера, – продолжал Уайтсайд, – подошел контролер, сопровождающий поезд, и рассказал мне интересную историю, случившуюся в Эшфорде. В тот же вечер, когда произошло убийство, с континентальным экспрессом произошел несчастный случай. Я вспомнил, что читал об этом кое-что в газете. Но я был слишком занят другим делом.

– Что же там случилось?

– Большой чемодан, стоявший на задней площадке вагона, во время езды упал между двумя вагонами и один из них соскочил с рельс. Повреждения получила, впрочем, только одна дама, некая мисс Стэвенс. По-видимому, она отделалась только легким сотрясением мозга. Поезд тотчас же был остановлен, и ее доставили в Коттедж-госпиталь, где она находится еще сейчас. Дочь билетного контролера, – сестра милосердия в том же госпитале, и рассказала своему отцу, что эта мисс Стэвенс, прежде чем придти в сознание, сильно бредила и при этом часто упоминала имена некоего мистера Лайна и мистера Милбурга!

Тарлинг быстро поднялся на кровати и, прищурив глаза, поглядел на Уайтсайда.

– Рассказывайте дальше.

– Я еще узнал от чиновника, что его дочери показалось, что дама была в плохих отношениях с мистером Лайном и еще в худших с мистером Милбургом.

Тарлинг поднялся и снял халат. Он ударил пальцами в гонг. Появился Линг-Чу, и Тарлинг по-китайски отдал ему приказание, которого Уайтсайд не мог понять.

– Вы поедете в Эшфорд? Я так и думал. Могу я сопровождать вас? – спросил Уайтсайд.

– Нет, благодарю вас, – ответил Тарлинг, – я поеду один. У меня определенное впечатление, что показания мисс Стэвенс помогут прояснить дело Лайн, и это может внести гораздо больше ясности во все эти запутанные события, чем всякие другие, запротоколированные нами до сих пор показания.

Когда он пришел на станцию, ему пришлось еще целый час ожидать поезда в Эшфорд.

Он беспокойно разгуливал по платформе. Это было запутывающим делом обстоятельством. Кто могла быть эта мисс Стэвенс, и почему же она в тот вечер, когда случилось убийство, поехала в Дувр?

Он прибыл в Эшфорд и с трудом мог найти экипаж, так как начался сильный дождь. В довершение всего он не взял с собой ни дождевика, ни зонтика.

Когда он прибыл в Коттедж-госпиталь, начальница сейчас же дала ему объяснения по важнейшему пункту.

– О да, мисс Стэвенс еще здесь, – сказала она.

Он облегченно вздохнул. Могло случиться, что она уже выпущена, и тогда было бы очень трудно снова найти ее.

Пожилая дама указала ему дорогу по длинным коридорам, которые кончались у маленькой передней площадки. Прежде чем она дошла до этого места, она открыла маленькую дверь справа.

– Мы положили ее здесь, в этой частной комнате, так как сперва думали, что ее придется оперировать.

Тарлинг вошел; уже стоя в дверях, он увидел кровать. Девушка повернула голову, и их взгляды встретились. Он в ужасе застыл на месте, потому что мисс Стэвенс была Одеттой Райдер!

XI

Сначала оба молчали. Тарлинг медленно подошел к ней, взял стул, поставил его возле кровати и сел. Он не спускал глаз с девушки. Одетта Райдер, которую разыскивала полиция всей Англии, которую приказано было арестовать по подозрению в преднамеренном убийстве, лежала здесь, в этом маленьком госпитале.

Тарлинг колебался один момент. Если бы он не был заинтересован в этой истории и наблюдал бы ее как посторонний зритель, если бы эта девушка не была ему так дорога, то он сделал бы вывод, что она здесь скрывается и выбрала этот маленький госпиталь для надежного убежища. То, что она находилась здесь под фальшивым именем, было достаточно подозрительно.

Одетта не спускала с него глаз. Он прочел в ее глубоких глазах испуг и ужас и был весьма ошеломлен. Теперь только ему стало ясно, что главным побуждением для него при раскрытии убийства Торнтон Лайна было не желание найти убийцу, а доказать невиновность этой девушки.

– Мистер Тарлинг, – тихо сказала она упавшим голосом, – я никак не ожидала увидеть вас здесь.

Это было совершенно лишнее замечание, ни в коем случае не способное внести ясность в положение. Свои же собственные слова показались ей весьма неудачными, так как она уже заранее приготовилась сказать ему все, что хотела сказать по этому поводу. Потому что ее мысли, начиная с того момента, когда она пришла в сознание, все время витали вокруг этого человека с резкими и смелыми чертами лица. Что он может о ней подумать? Что бы он сказал и что бы он при известных обстоятельствах сделал?

– Это я тоже предполагаю, – вежливо ответил Тарлинг. – Мне очень жаль, что с вами произошел этот несчастный случай, мисс Райдер.

Она кивнула головой, и слабая улыбка мелькнула на ее губах.

– Ах, это не было так страшно; сперва я, понятно, испугалась, но зачем вы пришли?

Последние слова она наскоро выдала из себя. Она и не хотела, и не могла поддерживать видимость вежливого разговора. Тарлинг ответил не сразу.

– Я хотел найти вас, – медленно сказал он и снова прочел боязнь и страх в ее лице.

– Ну ладно, – запинаясь, сказала она, – вы нашли меня.

Тарлинг кивнул.

– И так как вы меня нашли, – продолжала она быстро и порывисто, – что вам от меня угодно?

Облокотившись, она посмотрела на него. В ее позе ясно сказывалось возбуждение.

– Я хотел бы задать вам несколько вопросов, – сказал Тарлинг, вынув из кармана маленькую записную книжку, которую положил к себе на колени.

Он был поражен, когда она покачала головой.

– Не думаю, что буду в состоянии отвечать на ваши вопросы, – ответила она немного спокойней, – но я не вижу никакой причины, почему бы вам не задать мне этих вопросов.

Тарлинг не предвидел подобного поведения. Он понял бы ее, если бы она совершенно растерялась, если бы она рыдала, если бы она была испугана настолько, что не могла бы связно отвечать. Будь она возмущена или пристыжена, она вела бы себя с видом оскорбленной невинности или с сознанием своей вины.

– Прежде всего, я хочу знать у вас, почему вы находитесь здесь под чужим именем, мисс Стэвенс? – спросил он немного резко.

Она замялась и минуту подумала, потом снова решительно покачала головой.

– Это вопрос, на который мне не хотелось бы вам отвечать, – спокойно сказала она.

– Мне не хотелось бы в данный момент глубже проникать в вашу душу, так как этот ответ находится в тесной связи с разными другими необычайными действиями, мисс Райдер.

Она покраснела и опустила глаза.

– Почему вы тайно покинули Лондон, не сообщив ни вашим друзьям, ни вашей матери хоть что-нибудь относительно ваших намерений?

Она пытливо взглянула на него.

– Вы видели мою мать? – быстро спросила она.

– Да, я посетил вашу мать, я также прочел телеграмму, которую вы отправили ей. Мисс Райдер, неужели же вы не хотите разрешить мне помочь вам? Поверьте, от ваших ответов зависит нечто гораздо большее, чем вы предполагаете. Подумайте только, насколько серьезно ваше положение.

Он видел, как она плотно сжала губы.

– Я ничего не могу ответить на это. – Она тяжело дышала. – Если вы того мнения, что я... – Она вдруг замолчала.

– Можете закончить предложение, – твердо сказал Тарлинг. – Не хотели ли вы сказать, что я того мнения, будто вы совершили это преступление?

Она кивнула головой. Он сунул записную книжку в карман и, продолжая разговаривать с ней, нагнулся над краем кровати, взяв ее за руку.

– Мисс Райдер, я хотел бы помочь вам, – убедительно сказал он, – и я лучше всего в состоянии помочь вам, если вы будете совершенно откровенны со мной. Заявляю вам, что не верю в то, что вы совершили это дело, и, несмотря на то что все обстоятельства указывают на вашу вину, я все-таки твердо, убежден, что вы могли бы своими ответами рассеять выдвинутые против вас обвинения.

На ее глазах показались слезы, но она подавила в себе этот прилив чувств и свободно посмотрела ему в глаза.

– Это очень мило и хорошо с вашей стороны, и я вполне могу оценить вашу доброту, но я ничего не могу сказать вам – я не могу сделать этого. – В своем возбуждении она так порывисто схватила его за локоть, что он подумал, что она готова упасть в обморок, но максимальным напряжением воли она снова овладела собой. Он преисполнился почтением к ее самообладанию.

– Вы будете плохого мнения обо мне, мистер Тарлинг, мне это очень жаль и гораздо больше, чем вам кажется. Я прошу вас: верьте моей невиновности... но я ничего не предприму, чтобы доказать вам ее.

– Это безумие, – грубо прервал он ее. – Полнейшее безумие! Вы должны что-нибудь сказать мне. Вы слышите меня? Вы должны, во всяком случае, сделать что-нибудь, чтобы очиститься от подозрений.

Она покачала головой, и ее маленькая ручка, покоившаяся на его руке, обхватила два его пальца.

– Это для меня совершенно невозможно, – просто сказала она. – Я не могу этого сделать.

Тарлинг в волнении отодвинул свой стул. Этот случай был просто безнадежным. Если бы она сделала ему хоть маленький намек, который дал бы возможность проследить дальше. Но раз она протестует против всего, что могло бы доказать ее невиновность! Он потерял всякое мужество и беспомощно и печально глядел на нее.

– Предположим, – хрипло сказал он, – что против вас возбуждено обвинение по поводу этого преступления. Неужели вы хотите сказать мне, что и тогда вы не будете защищаться, не будете доказывать вашу невиновность и не захотите сделать ничего, что могло бы очистить вас?

– Да, это я и хотела сказать.

– Боже мой, вы не ведаете, что говорите! – воскликнул он, подскочив. – Вы не в своем уме, Одетта. Вы сошли с ума.

Слабая улыбка мелькнула на ее лице, когда она услышала, как он назвал ее по имени.

– Нет, мистер Тарлинг, я не сошла с ума. Я вполне в здравом уме.

Она задумчиво посмотрела на него, но вдруг ее самоуверенность пошатнулась и она побледнела.

– Вы, вы... имеете при себе приказ о моем аресте?

Он кивнул.

– Вы собираетесь арестовать меня?

Он отрицательно покачал головой.

– Нет, – коротко сказал он, – это я должен предоставить другим. Мне не по себе от этой истории, и я хочу уклониться.

– Он прислал вас сюда? – медленно спросила она.

– Он?

– Я припоминаю: ведь вы работали для него, или он собирался вас пригласить к себе?

– О ком это вы говорите? – быстро спросил Тарлинг.

– О Торнтоне Лайне.

Тарлинг неподвижно уставился на нее.

– Вы говорите о Торнтоне Лайне? Да разве вы не знаете?

– Что же я должна знать? – спросила она, морща лоб.

– То, что Торнтон Лайн убит и что приказ о вашем аресте дан по обвинению вас в его убийстве.

Она на мгновение уставилась на него широко раскрытыми глазами.

– Убит? Убит? Торнтон Лайн убит? Но ведь это же несерьезно...

Она схватила его за руку.

– Скажите мне, что это неправда. Торнтон Лайн не убит!

Она зашаталась, упала ничком, Тарлинг быстро опустился на колени рядом с кроватью и успел подхватить ее как раз в тот момент, когда она упала в обморок.

XII

В то время когда сестра милосердия хлопотала вокруг Одетты, Тарлинг зашел к главному врачу госпиталя.

– Я полагаю, что состояние мисс Стэвенс не особенно серьезно. Я мог бы выписать ее уже вчера из больницы и оставил только по ее просьбе. А скажите, правда ли, что ее разыскивают в связи с «нарциссовым убийством»?

– Да, мы нуждаемся в ее свидетельских показаниях, – уклончиво ответил Тарлинг. Впрочем, он понимал, что его ответ звучит не особенно правдоподобно ввиду того, что приказ об аресте Одетты Райдер был очевидно известен повсюду.

Описание ее примет и все прочие подробности были тогда же разосланы дирекциям всех госпиталей и общественных учреждений. Последующие слова врача подтвердили все его предположения.

– В качестве свидетельницы? – сухо спросил он. – Ну, мне не хотелось бы углубляться в ваши секреты и еще менее в секреты Скотланд-Ярда, но, может быть, для вас вполне достаточно того факта, что она в состоянии немедленно покинуть госпиталь.

В дверь постучали, и в бюро вошла пожилая дама.

– Мисс Райдер желает говорить с вами, – обратилась она к Тарлингу.

Сыщик взял свою шляпу и отправился в маленькую больничную комнату. Он нашел ее успокоенной, хотя она была бледнее прежнего.

Она встала с постели и сидела в кресле в своем утреннем халате. Сделав знак рукой, она предложила Тарлингу сесть рядом с ней. Но она заговорила только тогда, когда сестра милосердия вышла из комнаты.

– Это был непростительный припадок слабости, мистер Тарлинг. Но это известие было чересчур ужасным и пришло как-то неожиданно. Не откажите в любезности сообщить мне все подробности. Со дня поступления в госпиталь я не читала больше ни одной газеты. Я слышала, как одна из сестер милосердия рассказывала о «нарциссовом убийстве» – разве это?

Она замаялась, и Тарлинг кивнул. Теперь ему стало легче на душе, и он даже почти обрадовался. Он нимало не сомневался в том, что она была невиновна. Жизнь опять стала ему казаться более радостной.

– Торнтон Лайн был убит в ночь с четырнадцатого на пятнадцатое. В последний раз его видел живым его слуга приблизительно в половине девятого вечера. На следующий день на рассвете его нашли мертвым в Гайд-парке. Он был застрелен, причем была сделана попытка унять кровь в ране: кто-то обмотал его грудь дамской шелковой ночной рубашкой. На груди убитого нашли букет желтых нарциссов.

– Желтых нарциссов? – повторила она с изумлением. – Но как же?

– Его автомобиль был найден приблизительно в ста метрах от трупа, – продолжал Тарлинг. – Совершенно ясно, что он был убит в другом месте и что его потом доставили в парк в его же собственном автомобиле. На нем не оказалось ни сюртука, ни жилета, а ноги были обуты в мягкие войлочные туфли.

– Я не в состоянии понять всего этого, – сказала она, совершенно смущенная. – Я не понимаю всей связи. Кто же... – Вдруг она замолчала и закрыла лицо руками. – О, как это ужасно, как это ужасно! Я бы даже во сне не могла представить себе этого. Это просто ужасно!

Тарлинг ласково положил руку на ее плечо.

– Мисс Райдер, вы подозреваете кого-нибудь, кто мог совершить это убийство? Не согласились ли бы вы назвать его имя?

Она покачала головой, не глядя на него.

– Я не смею этого.

– Но разве вы не видите, что подозрение целиком падает на вас? На письменном столе Лайна была найдена телеграмма, в которой его приглашали прийти в тот роковой вечер к вам на квартиру.

Она быстро взглянула на него:

– Как? Телеграмма от меня? Я не посылала ему никакой телеграммы.

– Слава богу!

– Я все еще не могу понять. Разве в самом деле кто-нибудь отправил телеграмму мистеру Лайну, приглашая его прийти ко мне на квартиру?

– По всей видимости, так, – сказал он серьезно, – потому что убийство было совершено в вашей квартире.

– Боже мой! – вырвалось у нее. – Ведь не это же вы в самом деле собираетесь утверждать? Но нет же...

Он сообщил о всех сделанных им открытиях. Он знал, что его поведение с полицейской точки зрения совершенно неправильно. Он рассказал ей все и, таким образом, дал ей возможность защищаться и искать лазейки. Он рассказал ей о большом кровавом пятне на коврике и описал ночную рубашку, обмотанную вокруг тела Торнтон Лайна.

– Рубашка принадлежит мне, – ответила она просто и без запинки. – Но, пожалуйста, расскажите мне все, что вы знаете, мистер Тарлинг.

Он рассказал ей о кровавом отпечатке большого пальца на выдвижном ящике комода.

– На вашей кровати, – продолжал он, – я нашел вашу маленькую дорожную сумочку, наполовину запакованную.

Она снова зашаталась и протянула руки как бы для защиты.

– О, как дурно это было с его стороны! Как подло! Это лишь он мог сделать!

– Кто? – быстро спросил Тарлинг и взял ее за руку. – Кто это сделал? Вы должны мне сказать это. Ваша жизнь зависит от этого. Неужели же вы не понимаете, Одетта, что я хочу помочь вам? Вы подозреваете определенное лицо, и вы должны назвать мне имя.

Она посмотрела на него с отчаянием.

– Я не могу сказать вам этого, – ответила она слабым голосом, – и я ничего больше не могу вам сказать. – Я ничего не знала об убийстве до того, как вы мне рассказали о нем. Я не имела ни малейшего представления. Да, я ненавидела Торнтон Лайна, ненавидела его всей душой, но никогда не причинила бы ему ни малейшего зла. Как это ужасно!

Вдруг она стала спокойнее.

– Я сейчас же должна вернуться в Лондон. Не будете ли вы столь любезны взять меня с собой?

Она увидела его смущение и вдруг поняла, в чем дело.

– У вас... у вас при себе приказ об аресте?

Он молча поклонился.

– Потому что меня обвиняют в убийстве Лайна?

Он снова кивнул.

Некоторое время она молча глядела на него.

– Через полчаса я буду готова.

Не говоря больше ни слова, Тарлинг вышел из комнаты. Он вернулся в бюро врача, который с нетерпением ожидал его.

– Но ведь это же чепуха, что молодую даму собираются допросить в качестве свидетельницы. Я усомнился сразу же и после этого прочел извещение от Скотланд-Ярда, которое получил уже третьего дня. Согласно описанию совершенно ясно, что эта молодая дама Одетта Райдер. Ее собираются арестовать по подозрению в убийстве.

Тарлинг тяжело опустился на кресло.

– Вы разрешите закурить?

– Пожалуйста, – любезно сказал доктор. – По-видимому, вы сейчас же берете даму с собой?

Тарлинг кивнул.

– Я не могу представить себе, чтобы такая девушка могла совершить убийство, – сказал доктор Сандерс. – Она вовсе не обладает достаточными силами, чтобы выполнить все то, что сделал убийца. Я прочел в газете «Морнинг глок» все подробности. Ведь Торнтон Лайна оттащили на сто метров от его автомобиля и положили на траву. Но эта молодая девушка едва ли могла бы поднять ребенка.

Тарлинг кивнул головой в знак согласия.

– Кроме того, она вовсе не имеет вида убийцы. Я не хочу сказать, что она не могла совершить убийство потому только, что она такая красивая. Но я видал на своем веку немало людей и немного разбираюсь в них. Она принадлежит к тому особому типу, который черпает внешнюю красоту в красоте духовной, внутренней, я считаю вполне исключенным, чтобы она могла совершить убийство.

– Я совершенно того же мнения. Я твердо убежден, что она невиновна, хотя все признаки говорят против нее.

В этот момент раздался звонок по телефону. Доктор подошел к аппарату и сказал несколько слов.

– Это иногородний разговор. – Он подал сыщику трубку через стол. – Полагаю, что дело касается вас. Говорят из Скотланд-Ярда.

– Здесь Уайтсайд, – услышал Тарлинг в трубку. – Вы здесь, мистер Тарлинг? Мы нашли пистолет.

– Где? – быстро спросил Тарлинг.

– В квартире мисс Райдер.

На лице Тарлинга мелькнула тень ужаса, но, в конце концов, этого открытия следовало ожидать. Для него никакого сомнения не было в том, что Торнтон Лайн был убит на квартире Одетты, и если это соответствовало действительности, то было вполне естественным, что и оружие найдено на месте преступления.

– Где вы нашли пистолет?

– Он лежал в корзинке для шитья, на самом дне, и был прикрыт мотками шерсти, лоскутками и обрывками лент.

– Что это был за пистолет? – спросил Тарлинг после некоторой паузы.

– Браунинг. В обойме нашли шесть патронов и в стволе один. Очевидно из пистолета был сделан выстрел, потому что дуло изнутри было покрыто пороховой копотью. Выпущенную пулю мы нашли застрявшей в камине. Вы встретили здесь мисс Стэвенс?

– Да. Мисс Стэвенс тождественна с Одеттой Райдер.

Он услышал, как его собеседник свистнул в телефон.

– Вы арестовали ее?

– Еще нет, – ответил Тарлинг. – Будьте любезны встретить меня на станции. Через полчаса я выезжаю. – Он повесил трубку и обернулся к врачу.

– Я предполагаю, что найден пистолет, – сказал с заинтересованным видом врач.

– Да.

– Гм, – сказал доктор и задумчиво посмотрел на Тарлинга. – Скверная история. Что за человек, собственно говоря, был этот Торнтон Лайн?

Тарлинг пожал плечами.

– Он не принадлежал к лучшим людям. Но даже самый дурной человек имеет право на законную защиту, и убийца, во всяком случае, будет наказан.

– Вы полагаете, убийца в женском роде? – улыбаясь, спросил доктор.

– Нет, убийца просто, – коротко ответил Тарлинг. – Имел ли убитый хороший или дурной характер, это обстоятельство не имеет никакого влияния на наказание.

Доктор Сандерс пускал густые клубы дыма.

– Это вполне ошибочно – обвинять такую девушку, как мисс Райдер, в подобном убийстве.

В дверь постучали, и вошла пожилая дама.

– Мисс Стэвенс готова, – сказала она.

Тарлинг поднялся. Доктор Сандерс тоже встал, подошел к своему пульту, снял оттуда большую книгу для записи больных, положил ее на стол, открыл и взял в руку перо.

– Я еще должен сделать отметку о выписке больной, – сказал он и перелистал несколько страниц, – вот здесь. Мисс Стэвенс, легкое сотрясение мозга и контузия.

Вдруг он посмотрел на сыщика.

– Когда было совершено убийство?

– Вечером четырнадцатого.

– Четырнадцатого, – повторил доктор задумавшись. – В котором часу?

– Время не совсем точно установлено. – Он охотнее всего прервал бы разговор: болтливость врача действовала ему на нервы. – По всей вероятности, сейчас же после одиннадцати.

– Это, наверное, случилось после одиннадцати? Может быть, убийство было совершено раньше? И когда Лайна видели в последний раз?

– В половине десятого, – ответил Тарлинг немного ироническим тоном. – Не собираетесь ли вы стать сыщиком, доктор?

– Нет, не собираюсь, – улыбаясь, сказал Сандерс, – но меня радует, что я могу доказать невиновность девушки.

– Доказать ее невиновность? Как вы это предполагаете сделать?

– Итак, убийство не могло быть совершено раньше одиннадцати часов. Убитого в последний раз видели в половине десятого?

– Ну и...

– В девять часов поезд, на который мисс Райдер села в Чаринг-Кроссе, покинул станцию, а в половине десятого ее с сотрясением мозга доставили в госпиталь.

На один момент Тарлинг остался совершенно спокойным. Потом он подошел к доктору Сандерсу, схватил удивленного врача за руку и крепко пожал ее.

– Это самая приятная новость, которую я когда-либо слышал в своей жизни, – хрипло сказал он.

XIII

Обратный путь в Лондон был одним из тех исключительных переживаний, которое с фотографической точностью осталось в памяти Тарлинга на всю жизнь. Одетта не разговаривала, и он сам был очень доволен тем, что мог не думать о всех странных обстоятельствах, касавшихся ее бегства.

Но если они не разговаривали, то все же оба были счастливы сидеть рядом. В этом молчании сказывалось невысказанное товарищеское чувство и взаимное понимание, которое трудно было объяснить. Разве он влюблен в нее? Он никак не мог освоиться с мыслью, что для него наступила эта катастрофа. Никогда еще в своей жизни он не влюблялся. Для него это было удивительным обстоятельством, о котором он еще никогда как следует не думал. Он знал людей, которые были влюблены. В его глазах это было то же самое, как если бы они болели малярией или желтой лихорадкой... Никогда ему даже в голову не приходила мысль, что и он когда-нибудь очутится в подобном состоянии. Он был робок и сдержан, под его твердой замкнутой внешностью скрывалась такая тонкость чувств, о которой не догадывались его друзья.

Уже одна мысль, что он, может быть, влюблен в Одетту, приводила его в смущение, потому что у него еще не выработалось доверие к себе в этих вещах и он опасался, что его симпатии к ней совершенно безнадежны.

Он не мог представить себе, что женщина вообще может полюбить его. И вот ее присутствие и сладкая близость успокаивали его, успокаивали и возбуждали в одно и то же время.

Он попытался разобраться в своем положении. Он был сыщиком, который должен был действовать против женщины, над которой тяготело обвинение в убийстве, и он боялся выполнить свою роль. В его кармане лежал приказ об аресте, и теперь он рад, что ему не пришлось привести его в исполнение. Для него являлось известным удовлетворением, что Скотланд-Ярд не возбудит против нее обвинения в убийстве, потому что, хотя главная полиция и допустила уже тяжелые ошибки, но в данном случае дело было настолько ясным, что Одетта никак не могла считаться непосредственным участником дела. Поездка казалась ему чересчур короткой, и только когда поезд уже вошел в полосу тумана, покрывавшего Лондон, он снова упомянул об убийстве, но это стоило ему большого напряжения.

– Я доставлю вас в гостиницу, в которой вы проведете ночь, – сказал он, – а завтра я отвезу вас в Скотланд-Ярд, где вам придется говорить с одним из высших чиновников.

– Значит, я арестована? – спросила она, улыбаясь.

– Нет, вы не арестованы, – он улыбнулся ей в ответ, – но боюсь, что вам будет поставлено много вопросов, которые вам будут весьма неприятны. Ведь вы должны же понять, мисс Райдер, что ваш образ действий навлек на вас подозрение. Вы под фальшивым именем поехали во Францию. И подумайте только, что убийство было совершено в вашей квартире!

Она задрожала.

– Пожалуйста, не говорите со мной больше об этом, – тихо попросила она.

Он почувствовал, что обращался с ней очень строго и сурово, но он знал людей, которые не станут считаться с ее чувствами.

– Мне только хотелось бы, чтобы вы удостоили меня вашим доверием. Я твердо убежден в том, что сумел бы рассеять все подозрения против вас.

– Мистер Лайн ненавидел меня. Полагаю, я угодила ему в самое больное место, задев его тщеславие. Вы сами знаете, что он послал этого преступника ко мне на квартиру, чтобы подбросить вещи для доказательства моей вины.

Он кивнул.

– Вы уже раньше видали Сэма Стэя?

– Нет, я только слыхала о нем. Я знала, что мистер Лайн очень интересуется каким-то преступником и что последний очень уважал его. Однажды мистер Лайн взял его даже к себе в фирму, чтобы дать ему должность. Но сам Стэй не захотел. Мистер Лайн сказал мне как-то, что этот человек сделал бы для него все, что в человеческих силах.

– Стэй убежден в том, что вы совершили убийство, – мрачно сказал Тарлинг. – Лайн, по-видимому, рассказывал ему всяческие истории про вас и про вашу ненависть к нему. По моему мнению, он для вас гораздо опаснее, чем полиция. По счастью, бедняга лишился рассудка.

Она изумленно поглядела на него.

– Разве он сошел с ума? – спросила она. – Это несчастье настолько поразило его?

Тарлинг кивнул.

– Сегодня утром его поместили в сумасшедший дом. В моем бюро он рухнул без сознания, и, когда он потом в больнице снова пришел в себя, было установлено, что он, по-видимому, лишился рассудка. Мисс Райдер, не откажите мне в вашем доверии и расскажите мне все.

Она снова поглядела на него и печально улыбнулась.

– Боюсь, что не сумею сообщить вам больше, чем сообщила до сих пор. Если вы будете допытываться, почему я выдавала себя за мисс Стэвенс, то я не сумею дать вам никакого ответа. У меня было достаточно оснований – и у меня, быть может, было бы больше оснований удрать...

Он напрасно ждал, что она снова заговорит, и положил свою руку на ее.

– Когда я рассказывал вам об убийстве, – серьезно сказал он, – я сейчас же понял по вашему изумлению и волнению, что вы невиновны. Потом доктор оказался в состоянии доказать ваше алиби; это доказательство вполне безупречно и неопровержимо. Но в своем возбуждении вы сказали многое такое, что заставляет сделать вывод, что вы знаете убийцу. Вы упомянули об одном человеке, и я убедительно прошу вас назвать мне его имя.

– Этого имени я ни в коем случае не могу назвать вам.

– Но разве вам не ясно, что вас могут обвинить в соучастии до или после преступления? Разве вы не понимаете, что это означает для вас и вашей матери?

Когда он упомянул о ее матери, она закрыла глаза.

– Пожалуйста, не говорите об этом, – прошептала она. – Делайте то, что вы должны делать. Предоставьте же полиции арестовать меня, предать суду или повесить, но не спрашивайте меня больше, потому что я не хочу и не могу вам отвечать.

Тарлинг, ошеломленный и обескураженный, тяжело опустился на мягкое сиденье вагона и не произнес больше ни слова. Уайтсайд ожидал их на платформе в сопровождении двух людей, которых уже издали можно было признать за полицейских из Скотланд-Ярда. Тарлинг отвел его в сторону и в двух словах объяснил ему положение.

– При таких обстоятельствах я не произведу ареста.

Уайтсайд был того же мнения.

– Это совершенно невозможно, что она совершила убийство.

– Ее алиби вполне неопровержимо. Кроме того, данные, сообщенные врачом, были указаны начальником станции в Эшфорде, который занес в свой служебный дневник точное время катастрофы и сам помогал выносить девушку из поезда.

– Почему же тогда она назвалась мисс Стэвенс? И почему она так поспешно покинула Лондон? – спросил Уайтсайд.

Тарлинг пожал плечами:

– Это я тоже охотно узнал бы от нее, но мои старания не увенчались успехом, так как мисс Райдер отказалась дать по этому поводу показания. Теперь я ее отвезу в какую-нибудь гостиницу. Завтра я доставлю ее в Скотланд-Ярд, но сомневаюсь, чтобы шеф мог оказать на нее какое-либо влияние и чтобы она дала показания.

– Она была удивлена, когда вы ей рассказали об убийстве? Может быть, она назвала какое-нибудь имя в связи с этим? – спросил Уайтсайд.

Тарлинг замялся, а потом солгал, что очень редко случалось с ним:

– Нет, она была вне себя, но не назвала никого.

Он доставил Одетту в наемном автомобиле в маленькую гостиницу и был счастлив, что снова находится с ней наедине.

– У меня нет слов благодарности для вас, мистер Тарлинг, за то, что вы так любезны и добры ко мне, – сказала она на прощание, – и если я чем-нибудь могу облегчить вашу задачу, то я это охотно сделаю.

Он прочел болезненное выражение на ее лице.

– Я все еще не могу осознать этого. Мне все это кажется дурным сновидением... – Она говорила отчасти обращаясь сама к себе. – Но вовсе не требуется, чтобы я понимала это. Мне хотелось бы забыть это. Забыть все.

– Что вы хотите забыть?

– Ах, прошу вас, не спрашивайте меня.

Озабоченный и с мрачными мыслями он сошел вниз по большой лестнице. Он оставил автомобиль дожидаться у дверей, но, к его великому изумлению, машина уже уехала. Он обратился к швейцару:

– Куда же девался мой автомобиль? Ведь я не заплатил шоферу.

– Я совсем не заметил вашего автомобиля, сэръ, но я осведомлюсь об этом.

Стоявший у дверей швейцар рассказал странную историю. Какой-то незнакомый господин внезапно вынырнул из темноты, заплатил шоферу, который сейчас же уехал. Но швейцар не успел разглядеть лицо этого господина. Таинственный благодетель ушел и исчез во мраке ночи.

Тарлинг наморщил лоб.

– Это очень странно. Достаньте мне другой автомобиль.

– Боюсь, что в данный момент это будет довольно затруднительно. – Швейцар покачал головой. – Вы видите, какой густой туман? В нашей местности он всегда очень густой, в этом году он держится дольше. Обычно в это время тумана не бывает.

Тарлинг прервал его рассуждения о погоде, застегнул свое пальто до подбородка и направился к ближайшей станции подземной железной дороги.

Гостиница, в которую он поместил молодую девушку, находилась в тихом районе, и в этот поздний час улицы были совершенно пусты.

Туманная погода заставляла всех сидеть дома.

Тарлинг не особенно хорошо разбирался в топографии Лондона, но он приблизительно знал, в каком направлении идти.

Он смутно различал уличные фонари и находился как раз на равном расстоянии между двумя фонарями, как вдруг услышал позади себя тихие шаги. Шум шагов был очень слабый, но он сейчас же обернулся, как только разобрал шорох. Инстинктивно он отошел в сторону и поднял руки для защиты.

Мимо его головы пролетел какой-то тяжелый предмет, который ударился о тротуар.

Тарлинг сейчас же бросился на покушавшегося, который попытался было искать спасения в поспешном бегстве. Когда Тарлинг схватил злоумышленника, раздался оглушительный взрыв, и его ноги покрылись раскаленным кордитом. Ему на мгновение пришлось выпустить из рук своего противника, который схватил его за горло. Он скорее почувствовал, чем увидел, что тот направил на него револьвер, и быстро прибегнул к военной хитрости, которой научился у японцев: он бросился наземь и стал кататься по земле, в то время как револьвер дважды выстрелил. Он с размаха хотел броситься своему противнику на колени. Это был хитрый и

ловкий трюк, но таинственный незнакомец быстро исчез, и, когда Тарлинг снова вскочил на ноги, он уже был один.

Но он видел лицо противника – большое белое, искаженное мезью лицо. Он видел его только один момент. Но с него было достаточно. Он знал своего противника. Он поспешил в том направлении, куда, по-видимому, исчез нападавший, но туман был очень густой, и он потерял своего противника из виду. Внезапно он услышал на улице шаги, пошел навстречу и увидел полицейского, привлеченного сюда выстрелами. Полицейский никого не видал.

– Тогда он, вероятно, бежал в другом направлении, – сказал Тарлинг и со всех ног поспешил туда, но и на сей раз без всякого успеха.

Медленным шагом он вернулся на место, где было совершено на него покушение. Полицейский тем временем при помощи своей карманной лампочки стал обыскивать тротуар, чтобы установить личность преступника.

– Ничего не найдешь. Я нашел только эту маленькую красную бумажку.

Тарлинг взял бумажку в руки и разглядел ее при свете уличного фонаря. Это была красная квадратная бумажка, на которой стояли четыре китайские буквы: «Он сам себе обязан этим».

Это была та же самая надпись, которая стояла на клочке бумаги, найденном в кармане Торнтонa Лайна в то утро, когда его мертвого и застывшего нашли в Гайд-парке.

XIV

Мистер Милбург занимал не очень большой дом на одной из фабричных улиц Кемден-Тоуна. Улица почти на всем своем протяжении состояла из гладких стен, которые кое-где прерывались окованными железом воротами, через которые открывался вид на грязные фабричные здания и закопченные фабричные трубы.

Дом Милбурга был единственным жилым домом на этой улице, если не считать служебных квартир сторожей и служащих. Все считали, что у мистера Милбурга хороший домохозяин, так как участок земли содержался в образцовом порядке. Дом занимал большую площадь. Он имел только один этаж, и так как все комнаты находились рядом, то он по величине равнялся маленькой фабрике. Фирмы справа и слева предлагали большие суммы денег за этот участок, но домохозяин мистера Милбурга отклонял все предложения. Были люди, которые предполагали, что мистер Милбург был сам домовладельцем. Но как же это было возможно? Его годовое жалованье едва достигало 900 фунтов стерлингов, а ценность участка земли, на котором стоял дом, составляла по крайней мере 6000 фунтов. Здание стояло несколько в стороне от улицы.

Перед ним находилась большая лужайка, на которой не было ни одной цветочной клумбы. Зелень была ограждена красивой высокой железной решеткой, которую домохозяин мистера Милбурга велел сделать, не жалея расходов.

Чтобы войти в дом, нужно было пройти большие железные ворота и идти по довольно длинной, вымощенной гладкими камнями дорожке.

В тот вечер, когда мистер Тарлинг едва не пал жертвой покушения, мистер Милбург вернулся домой, отпер большие железные ворота, вошел и с большой заботливостью снова запер их. Он был один и, по обыкновению, насвистывал какую-то печальную мелодию без начала и без конца. Он медленно пошел по дорожке, отворил дверь, нерешительно постоял немного и еще раз обернулся и посмотрел на густой туман прежде, чем войти в дом. Потом он тщательно запер изнутри дверь и зажег электричество.

Он теперь стоял в маленькой, просто, но с большим вкусом убранной передней комнате. На стене висели различные гравюры. Мистер Милбург с довольным видом разглядывал их, потом повесил пальто и шляпу на вешалку, снял надетые по случаю гнилой погоды галоши и зашел в жилую комнату. Эта комната была убрана и меблирована с той же благородной простотой, как и приемная. Мебель была простая на вид, но сделана из прекрасного материала. На полу расстился прекрасный мягкий ковер. Милбург повернул другой выключатель, и вспыхнула электрическая печь в камине. Потом он сел за большой стол, который выделялся среди всей мебели, потому что он был покрыт небольшими связками разных бумаг и дел. Они были тщательно разложены по отделам, и некоторые пакеты были перевязаны резинками. Но он не дал себе никакого труда прочесть или просмотреть их, задумчиво смотрел на красную промокательную бумагу, и его мысли, казалось, витали далеко.

Вдруг он с коротким вздохом поднялся, прошел на другой конец комнаты, отпер старинного вида шкаф и вынул оттуда дюжину небольших книг, которые он положил на стол. Они все были одинаковой величины, и на каждой стоял год. Это были дневники, но не его собственные. Когда он однажды случайно зашел в бюро Торнтон Лайна, он нашел эти книги в личном денежном шкафу своего хозяина. Из бюро шефа можно было видеть все помещения фирмы, так что он должен был заметить приход Торнтон Лайна и его нельзя было накрыть с поличным. Милбург тогда же взял один из томов и прочел.

В тот раз он, впрочем, прочел всего несколько страниц, но впоследствии он нашел случай прочесть один из томов с начала до конца. Он мог почерпнуть оттуда очень много информации,

которая ему весьма пригодилась и пригодилась бы еще больше, если бы Торнтон Лайн не умер так внезапно.

В тот день, когда тело Лайна было найдено в Гайд-парке, мистер Милбург, имевший еще один ключ к денежному шкафу своего хозяина, доставил эти дневники к себе на квартиру. В них было очень много такого, что было не особенно лестно для мистера Милбурга, в особенности в дневнике за последний год. Потому что Торнтон Лайн записывал не только разные переживания и то, что случалось каждый день, но и свои мысли, свои поэтические наброски и все такое прочее. Из всего было ясно, что он имел тяжкие подозрения против своего управляющего. Чтение этих дневников оказалось для мистера Милбурга вполне интересным. Он раскрыл книгу на том месте, на котором он остановился в прошлый вечер. Он легко мог найти его, так как проложил между страницами конверт с красными тоненькими бумажками. Вдруг он, казалось, вспомнил что-то и тщательно ощупал свой карман, но, по-видимому, не нашел того, что искал, и с улыбкой заботливо положил конверт с китайскими бумажками на стол. Потом он открыл книгу и стал читать дальше.

«Обедал в Лондон-Отеле, после обеда немного прилег. Погода ужасно жаркая. Собираюсь посетить дальнего родственника Тарлинга, который служит в шанхайской полиции, но это чересчур хлопотливо. Вечерние часы провел в танцевальном павильоне Чу-Хана. Там познакомился с маленькой красивой обворожительной китайяжкой, которая умеет говорить по-английски. На завтрашний день условился встретиться с ней в чайном домике Линг-Фу. Ее зовут здесь «маленьким нарциссом», и я называл ее «мой милый маленький желтый нарцисс».

Мистер Милбург на этом месте остановился.

«Маленький желтый нарцисс», – повторил он про себя, потом посмотрел в потолок и сжал губы.

– Маленький желтый нарцисс? – сказал он еще раз, и широкая улыбка расплылась по его лицу.

Он был еще занят чтением, как вдруг раздался звонок. Он подскочил и прислушался. Позвонили еще раз. Он быстро потушил повсюду электричество, осторожно отодвинул в сторону толстую штору, прикрывавшую окно, и посмотрел в туман.

При свете уличного фонаря он мог различить несколько человек, стоявших у окна. Осторожно он снова опустил штору, зажег свет, взял книги в руки и исчез с ними в коридоре. Помещение, находившееся позади, было его спальней. Он скрылся туда и в течение пяти минут не обращал внимания на продолжавшиеся звонки.

Потом он снова показался. Он надел пижаму и поверх нее солидный халат. Он отпер дверь и в войлочных туфлях прошел по дорожке к большим железным воротам.

– Кто там? – спросил он.

– Тарлинг. Вы же знаете меня.

– Мистер Тарлинг? – спросил удивленным тоном Милбург. – Но это совершенно неожиданное удовольствие. Подойдите ближе, господа.

– Отпирайте ворота, – коротко приказал сыщик.

– Извините, господа, я сперва должен сходить за ключами, я никак не ожидал гостей в такой поздний час. – Он вошел обратно в дом, еще раз осмотрелся и вторично вернулся с ключом. Хотя и раньше он имел его при себе в кармане, но, будучи осторожным человеком, он хотел убедиться в том, не забыл ли чего-нибудь.

Тарлинг был в сопровождении Уайтсайда и еще одного человека, в котором Милбург правильно угадал сыщика. Но только Тарлинг и полицейский инспектор приняли приглашение войти. Третий остался у ворот.

Милбург ввел их в свое уютное помещение.

– Я уже несколько часов как лег спать, и мне очень жаль, что я заставил вас так долго ждать.

– Однако ваша электрическая печь еще очень горячая, – спокойно заметил Тарлинг, наклонившийся к маленькому аппарату.

Милбург засмеялся.

– Но вы сразу же открываете все, – сказал он с удивлением. – Когда я отправился в постель, меня охватила такая сонливость, что я забыл выключить печь. Когда я только что вышел, я увидел это и поспешил выключить ее.

Снова Тарлинг нагнулся и взял в руки тлеющий окурочек сигары, брошенный в пепельницу на камине.

– Вы курите во время сна? – сухо спросил он.

– О нет, – беззаботно ответил Милбург. – Я курил как раз в тот момент, когда спускался с лестницы, чтобы впустить вас. Погруженный в мысли, я зажег сигару и сунул ее в рот. Это я делаю каждое утро, просыпаясь. Я только что положил ее, когда выключал радиатор.

Тарлинг улыбнулся.

– Не желаете ли присесть? – спросил Милбург, который сам при этом опустился на стул. Он со значительным видом указал на бумаги, лежавшие на столе: – Вы видите, у нас в фирме очень много работы с тех пор, как бедный мистер Лайн умер. Я вынужден даже брать работу на дом и могу уверить вас, что иной раз работаю до рассвета только для того, чтобы приготовить все счета для предстоящей ревизии новых книг.

– Вы разве всегда работаете? – с невинным видом спросил Тарлинг. – Не выходите вы иной раз погулять ночью в туманное время, чтобы освежиться?

Милбург вопросительно поднял брови.

– Гулять, мистер Тарлинг? – сказал он, крайне изумленный. – Я вас не вполне понял. Само собой разумеется, что такой ночью, как эта, я не пойду гулять. Сегодня ведь совершенно невероятный туман.

– А вы вообще знаете Паддингтон?

– Нет, я знаю только, что там находится железнодорожная станция, откуда я иной раз сажусь на поезд. Но скажите мне, пожалуйста, зачем вы пришли ко мне?

– Сегодня вечером на меня совершил нападение какой-то человек, который два раза выстрелил в меня почти в упор. Этот человек был одинакового роста с вами и вообще был очень похож на вас. У меня при себе официальное предписание.

Мистер Милбург зажмурился.

– Мне дано поручение произвести обыск в вашем доме.

– Что вы собираетесь искать? – холодно спросил Милбург.

– Револьвер или же автоматический пистолет. Быть может, я в данном случае найду еще кое-что.

Милбург поднялся:

– Вы можете обыскать весь дом сверху донизу. Вы скоро закончите, потому что дом очень маленький. Мое жалованье не позволяет мне держать большой дорогой квартиры.

– Вы живете здесь один? – спросил Тарлинг.

– Да. Только в восемь часов утра приходит поденница, которая готовит мне завтрак и убирает комнаты; но она не остается здесь на ночь. Я считаю себя весьма оскорбленным этим приказом об обыске.

– Нам придется еще больше обидеть вас, – сухо ответил Тарлинг и начал обыскивать помещение.

Но успех был сомнительный, так как он не мог найти оружие. Ему также не удалось найти ни одной из маленьких красных бумажек, которые, как он предполагал, были у Милбурга. Потому что ему гораздо больше хотелось изловить убийцу Торнтон Лайна, чем того человека, который сегодня подстерег его.

Он вернулся в ту комнату, в которой оставил Милбурга под наблюдением инспектора; неуспех, по-видимому, не произвел на него никакого впечатления.

– Мистер Милбург, – резко сказал он, – я хотел бы задать вам один вопрос. Вы уже видали когда-нибудь такую бумажку?

Он вынул из кармана маленькую красную бумажку. Милбург внимательно разглядел ее и кивнул.

– Вам знакомы такие бумажки? – спросил удивленный Тарлинг.

– Да, сэр. Если бы я отрицал это, я сказал бы неправду, а я терпеть не могу вводить других в заблуждение.

– Могу себе представить это, – иронически сказал Тарлинг.

– Мне очень жаль, что вы не достаиваете мои слова доверием, но могу вас уверить еще раз, что я терпеть не могу говорить неправду.

– Где вы могли видеть подобные бумажки?

– На письменном столе мистера Лайна.

Тарлинг снова был поражен этим ответом.

– Покойный мистер Лайн, вернувшись из кругосветного путешествия, привез с собой много экзотических курьезов. Между ними было также много подобных бумажек с китайскими буквами. Я не понимаю по-китайски и никогда еще не имел случая побывать в Китае. И я в этих бумажках не разбираюсь.

– Вы видали эти бумажки на письменном столе Лайна? Почему же вы не сказали это полиции? Ведь вам известно, что Скотланд-Ярд придает большое значение этой бумажке, которая была найдена в кармане убитого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.